

Л. КАМЕНЕВ

ВНЕШНЯЯ и ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА Р. С. Ф. С. Р.

в 1922 г.

(Доклад X Всероссийскому С'езду Советов).

„НОВАЯ МОСКВА“
1923.

Главлит № 3374 Тираж. 5000.

3-я Тип. „Мосполиграф“ Масква, Грузинская, Охотничий пер., 5/7.

Предисловие.

В перепечатываемом здесь докладе 10-му Всероссийскому С'езду Советов я позволил себе вставить несколько цифр, которые я опустил при произнесении своей речи ради ее сокращения. Я добавил также в конце краткую характеристику мероприятий Правительства в области сельского хозяйства, которая намечена была мною в плане доклада, но опущена в виду того, что доклад чрезмерно затянулся. В общем все эти добавления составляют лишь небольшое количество строк. Во всем остальном брошюра целиком воспроизводит сделанный мною доклад.

25/XII 1922 г. **Л. К.**

P. S. Должен добавить, что в стенограмме моей речи, которую я не успел просмотреть, („Бюллетень С'езда", № 1) по обычаю допущена масса искажений ($^1/_2$ % вместо 50 %, „концессии имеют много минусов", вместо „плюсов" и т. д.)

Товарищи! Отчет о деятельности правительства должен был бы дать здесь, перед лицом представителей всей трудящейся крестьянской и пролетарской России, тот, кто пять лет тому назад позвал нас на борьбу, кто дал нам победу, кто в продолжении 5-ти лет держал руль первого пролетарского государства и кто продолжает в своих руках этот руль держать до сих пор (аплодисменты). Тов. Ленин готовился к тому, чтобы представить здесь отчет Правительства. Но, как вам уже сказал тов. Калинин, к сожалению, переутомление не дало ему возможности выступить здесь перед вами, и он поручил мне передать X с'езду искреннейший привет и твердую уверенность, что с'езд выполнит те задания, которые стоят перед ним, и мы, представители трудящихся масс, должны доказать, что, несмотря на то, что т. Ленина нет в этом зале, мы выполним те революционные задачи, которые он пред нами поставил.

Т.т., я поэтому прошу рассматривать тот отчет о внешней и внутренней политике Правительства, который я вам представлю, лишь как бледный осколок того отчета, который в данный момент не мог представить вам т. Ленин.

Новая эпоха революции.

Для того, чтобы сразу охарактеризовать те задания, которые стояли перед Правительством втечение прошлого года, я думаю, правильнее всего будет сказать,

что в этом году мы вступили в новый созидательный период революции. Вы знаете, что написаны уже десятки книг и сотни статей, которые хоронят русскую революцию, которые расписывают, как должна выглядеть после-революционная, термидорианская Россия. В ответ на все эти похороны революции, мы можем смело сказать: революция трудящихся продолжается и будет продолжаться. Она лишь вступила в новый фазис, в новую эпоху, и задача руководителей первого пролетарского государства заключалась в том, чтобы быстро схватить отличительные черты этой новой эпохи и суметь победоносно провести через эту новую эпоху рабоче-крестьянские массы, точно так же, как и через прошлую эпоху.

Темп нашего нового развития, темп созидательного периода революции, ясное дело, определяется предшествующим периодом. Этот период был периодом гражданской войны, глубина и острота которой определяет, как то наследство, которое мы получили, так и то с какой быстротой мы можем залечивать нанесенные нашей стране раны.

Не надо забывать, что острота и глубина разрушительного периода,—периода гражданской войны, определялись обоими армиями, принимавшими в этой войне участие. Не только армией рабочих и крестьян, но и тем сопротивлением, которые мы встречали со стороны враждебных сил. Мы знаем теперь, что армия и сопротивление русской буржуазии были ничтожны, и что если бы рабочим и крестьянам России пришлось иметь дело с русской буржуазией, гражданская война была бы закончена в несколько месяцев, если не недель, и мы несколько лет тому назад могли бы всту-

пить в период созидания и творчества новой социалистической России. Теперь мы имеем возможность судить о силах русской буржуазии не только по тем ранам, которые она наносила нам и по тем ударам, которые мы наносили ей,—мы можем судить и по многочисленным воспоминаниям борцов белой армии, которые представляют на мой взгляд, чрезвычайно важный и интересный материал для определения и для характеристики всей нашей революции.

В ряду этих мемуаров я укажу только на два тома, написанные генералами, руководителями гражданской войны против нас и которые, надо отдать им справедливость, с солдатской откровенностью рассказали нам со своей точки зрения, в чем заключалась борьба между нашей революцией и буржуазией. Это воспоминание генерала Деникина и ген. Лукомского. Ген. Деникин, и я думаю, что это место его воспоминаний должно стать известным всей рабоче-крестьянской России, рассказывает о положении, в котором очутилась первая корниловская армия, и характеризует это положение такими словами: «Кругом нас бушевало восставшее море крестьян. Более всего боялись мы, - говорит он,—железных дорог, ибо жел. дороги были теми стальными рычагами, которые связывали восставшее крестьянское море, придавали ему дисциплинированность и необходимую силу сопротивления.»

«И в этом, – продолжает Деникин,—бушующем море крестьянского восстания, группки офицеров с находящимися у них в обозе Милюковым, Гучковым, Рябушинским представляли слабые и затерянные островки.» В этом отрывке дана полная и точная характеристика совершившегося переворота. Да, величайшее крестьян-

ское море, величайшее восстание, организованное теми отрядами, которые по железным дорогам приходили в эту бушующую восставшую стихию из городов, в лице передовых пролетарских отрядов, а среди них, затопленные этим морем, беспомощные отрядики, остатки русской буржуазии. Эта характеристика, данная врагами, совершенно ясно показывает нам, что гражданская война, затянувшаяся на 4 и 5 лет, была не результатом того сопротивления, которое мог оказать восставшему народу русский буржуазный класс,—это было результатом того, что русской буржуазии пришла на помощь международная буржуазия, и все нехватки, весь медленный темп развития новой советской социалистической России должен быть возложен, прежде всего, на тот иностранный капитал, который помог русской буржуазии затянуть на 4—5 лет разрушительный период революции,—эпоху непосредственной гражданской войны. Если бы иностранный капитал не пришел им на помощь со своими пулеметами, со своими деньгами, со своей агитацией, мы, повторяю, не первый год теперь, в 1922 г., находились бы в периоде творчества и созидания, мы могли бы приступить к этому несколько лет тому назад.

Только теперь, т.т., мы можем сказать, что первое и основное условие, необходимое для того, чтобы мы могли обратиться к созидательной работе, это первое условие только теперь выполнено. Мы здесь в центральной России, на Украине и на Кавказе давно не слышали грохота белогвардейских пулеметов и иностранных пушек. Мы немножечко даже, как будто забыли, что, однако, эти пушки иностранных оккупантов продолжают грохотать на одной из окраин России и, что

только теперь, только несколько недель тому назад, последний оккупант и последняя белогвардейская армия, опиравшаяся на иностранные штыки, прогнана с территории Советской России. (Аплодисменты).

Об'единение Советских Республик.

Война на самом деле кончилась не тогда, когда мы разбили Деникина и не тогда, когда мы сбросили в море Врангеля,—она окончилась только теперь, когда мы заняли Владивосток и когда мы смогли присоединить к Советской России, по воле самого населения Дальневосточной республики, трудовые массы, которые продолжали все пять лет стонать под игом японского насилия и белогвардейских наскоков. Только отдав себе отчет в том, что лишь сейчас мы заканчиваем гражданскую войну, что только со взятием Владивостока мы сделали очень большой и решительный шаг к тому, чтобы вообще на территории России не было ни одного иностранного оккупанта, мы сможем правильно оценить наши успехи и наши неудачи в деле хозяйственного и экономического строительства.

Первое условие достигнуто и это первое условие есть, наконец, об'единение трудовых масс России, желающих жить с нами в тесном и братском союзе. Только теперь мы можем сказать, что от Владивостока и до Баку, от Батума и до Петроградского побережья, от Одессы и до Архангельска трудовые массы об'единены, спаяны воедино единым государственным организмом под красным знаменем советской власти (аплодисменты). А я ведь, т.т., называл те пункты, которые служат связью Советской России со всем миром

и которые все: Владивосток, Баку, Батум, Одесса, Архангельск, Петроградское побережье,—находились в руках иностранных войск и белогвардейской буржуазии, и само собой разумеется, что потребовались громаднейшие усилия, чтобы мы, наконец, могли действительно засвидетельствовать это единство, чтобы мы смогли, наконец, его закрепить в определенных формах.

У нас есть органическое единство, сложившееся в бою, и это единство превыше тех границ, которые мы сами создали. Оно об'единяет нас и с Закавказской федерацией, и с Украиной, и с Белоруссией. Оно об'единило нас теперь с Дальневосточной республикой. Но это органическое единство, достигнутое в бою, требует теперь оформления, требует уточнения, требует, чтобы оно было влито в строгие государственные рамки.

И вот теперь мы получаем, наконец возможность приступить к этой государственной работе. Задачей этого с'езда и будет, между прочим, закончить работу, которая уже проведена в разных местах, работу по оформлению союза советских социалистических республик.

Конечно, этот союз мы создаем на точном основании нашей программы в деле решения национального вопроса, и поэтому наш союз будет невиданным союзом во всем мире. Он будет союзом, в котором обеспечена будет не только полная свобода, свобода культурной и экономической жизни любому члену, но в нем каждому члену союза будет принадлежать право выхода из него. Это будет, следовательно, союз равноправных и равно желающих этого союза частей, из которых каждая часть может уйти в тот момент, когда ей по-

кажется, что ее жизненные интересы в этом союзе не удовлетворяются. Вместе с тем, это будет союз, который будет крепче всякого другого. Императорская Россия, которая об'единяла миллионные массы народов при помощи плетей, наместников и генерал-губернаторов, должна была погибнуть,—и распалось это, насилием и кровью созданное, единство. На его месте, на его развалинах создается новый союз, союз, основанный на равноправии, на признании всех прав каждой нации, на единстве экономических интересов и на общих целях борьбы.

Вот та задача, т.т., над которой работала советская власть в последний год и которую она надеется завершить и привести к благополучному концу при вашей помощи. Об'единение трудовых масс России в единый, строгий, государственный оформленный братский союз, это есть первое условие производительной хозяйственной деятельности.

Внешняя политика.

Вторым необходимым условием для того, чтобы наша созидательная работа шла без перерыва рядом с об'единением внутри, является упрочение нашего внешнего положения. И тут, т.т., я перехожу к тем шагам и к тем задачам, которые стояли перед советской властью в продолжении последнего года в области внешней политики. Нам нужен мир и нам нужно включение России в товарооборот, в хозяйственную жизнь всего мира. Вы знаете т.т., что мы оружием добивались мира и оружием этого мира добились, но вы знаете также, что нам предлагали купить упрочение этого

мира и включение России в систему международных хозяйственных отношений,—предлагала это западноевропейская буржуазия, предлагали сильнейшие державы в Генуе и Гааге,—за совершенно определенную плату.

Генуя и Гаага.

Теперь оглядываясь на те месяцы, когда протекала сначала Генуэзская, а затем Гаагская конференция мы ясно видим, что эта конференция была задумана, как деловая торговая сделка, и именно потому, что она носила деловой характер и не потеряна была надежда на то, что она может кончиться деловым соглашением, мы от вашего имени послали на эти обе конференции своих представителей. Наши представители там, а потом мы здесь, в Москве, легко убедились, что действительно, сделка предлагается нам деловая но когда мы спросили там о цене, за которую буржуазные правительства предлагают Советской России упрочение мира и включение России в хозяйственный оборот, то цена нам была пред'явлена такая, которую мы отвергли, и я уверен, что отвергая эту цену, советское правительство действовало по поручению и в полном единомыслии со всеми трудящимися массами Советской России (а п л о д и с м е н т ы).

Действительно, что нам предлагали? Нам предлагали, т.т., мир и хозяйственную связь в обмен за уплату долгов, за возвращение собственности иностранным собственникам и за отказ России от всяческого возмещения тех убытков, которые были нанесены нам державами Антанты в период интервенции и блокады.

Мы не отвергали и не отвергаем подобных предложений, но разобрали их внимательно. И внимательный разбор этих предложений, желание наше добиться во

что бы то ни стало упрочения мира, заставило нас пойти очень далеко в уступках, которые мы предлагали. Наши предложения заключались в том, чтобы считать, что довоенные долги русских правительств покрыты теми расходами, которые понесла Россия в результате блокады и интервенции. Мы соглашались на то, чтобы обсудить возможность уплаты других обязательств, под условием, что нам будут даны не только отсрочка в уплате, но и прямые кредиты для восстановления разоренного войной и интервенцией нашего хозяйства. И наконец, мы отказались без дальних слов от всяких поползновений на возмещение иностранным собственникам их собственности в натуральном виде, в виде возвращения фабрик, заводов, домов, товаров, земель и т. д., не отказывая, однако, предоставлять им преимущественные права при выдаче концессий. Вот каков был тот крайний предел уступок, на который, не изменяя себе и своему народу, рабоче-крестьянская власть могла пойти на соглашение. Но международный империализм, видимо, надеялся на то, что он сможет получить от нас больше.

Генуя и Гаага окончились неудачно, и разрыв произошел именно потому, что наши делегаты заявили, что ни шагу дальше в своих уступках они не сделают. Теперь, когда прошло более полугода после Генуи и Гааги, мы можем сказать: „не только ни шагу больше в этих уступках, но и эти уступки уже не будут даны теперь, как они давались несколько месяцев тому назад". (Аплодисменты). Но не потому т.т., чтобы на нас напало такое настроение,—нет. Я думаю, что не только наши друзья, но и наши враги знают хорошо, что

мы—реалисты в политике, что мы взвешиваем обстоятельства, и если мы заявляем то, что я здесь сказал, так потому, что мы еще раз могли убедиться за время, протекшее после Генуи и Гааги, что в то время, когда Россия, под знаменем советской власти, становится все сильнее и сильнее, разложение наших врагов, разложение капиталистического мира идет все глубже и глубже.

Рапальский договор.

После Генуи и Гааги можно было предполагать, что мы опять очутимся в положении изолированном, что наши враги, которые потребовали от нас в Генуе шейлокского куска живого мяса русского народа, опять в едином строе выстроятся против нас и обрекут, если не на прямую новую интервенцию, то на новые муки блокады. Этого, т.т., не случилось.

Уже в Генуе нами был заключен договор, который мы признали, как, надеюсь, признаете и вы, образцом тех договоров, которые может заключить Советская Россия с буржуазными странами,—договор с Германией, Раппальский договор, который признает политическую власть, существующую в России, который совершенно равномерно относится к обоим сторонам и создает действительную базу для дальнейшего политического и, главным образом и в первую очередь, экономического упрочения связей с Германией. Это был первый договор, на который пошла буржуазная страна, страна, находящаяся в тисках победителей, но это ничего не изменяет в том, что только подобные договоры могут действительно гарантировать нынешнюю Европу от непосредственной опасности войн и могут послужить той почвой, на которой сотрудничество между пролетарским государством, как Советская Рос-

сия, и буржуазной страной, как Германия, возможно в пользу и германского, и русского трудящегося народа.

Договор с другими странами.

Далее, т.т., немедленно же, после Генуи и Гааги, нам пришлось выработать и подписать предварительные договоры и с Чехо-Словакией, и Швецией, и Норвегией. Правда, чехо-словацкое и шведское правительства, в одном случае, прямо буржуазные, в другом случае (как бы для того, чтобы мы могли оценить роль того или другого правительства и его отношения к Советской России), в Швеции, чисто социал-демократическое правительство, правительство сторонников 2 Интернационала,—оба эти правительства никак не могут протащить подписанные ими предварительно договоры через свои парламенты. Но тут мы, т.т., конечно, не виноваты. (Смех). Если правительства,—а с этим нам придется и дальше встречаться,—подписывались и уславливались предварительно, признавая всю необходимость восстановления экономических отношений с Россией, затем натыкаются на сопротивление небольших своекорыстных, непосредственно заинтересованных в эксплоатации России, групп и группочек в своих парламентах, то это может быть очень характерною чертою парламентской демократии, но это ничего не может изменить в нашем отношении к этим договорам: мы их подписали, и мы терпеливо ждем, когда парламенты пойдут за своими правительствами и эти договоры подтвердят.

С другой стороны, мы должны были отвергнуть один из договоров, который тоже явился непосредственным результатом Генуи—договор с итальянским правительством. Мы его отвергли именно потому, что мы находимся в таком положении, когда не всякий

договор Советская Россия считает для себя долгом подписать. Нет, прошли те времена, когда, окруженная врагами, Советская Россия должна была итти на максимальные уступки для того, чтобы получить хотя бы первые устои грядущего мира. Тогда мы шли на эти уступки, и мы их помним. Мы помним договор с Эстонией, помним договор с Польшей. Но времена эти прошли, и ныне, когда нам предлагают договоры итальянского типа, когда без политического признания пытаются для себя получить как можно больше экономических выгод, создавать для себя монопольное положение, мы заявляем, что таких договоров не подпишем.

Америка. Если мы обратимся дальше к Америке, то увидим, что и здесь произошла общая перемена в отношении к Советской России,—перемена, которой, конечно, нельзя удивляться, ибо она является результатом того простого факта, что, вопреки всяким заклинаниям, вопреки всем буржуазным и меньшевистским пророкам, вопреки всей буржуазной науке, даже вопреки фальсифицированному марксизму 2-го $2^1/_2$ интернационалов, вопреки всем и всему, мы, как пролетарская и крестьянская, как трудовая Советская Республика, существуем 5 лет. (Аплодисменты). Мы, т.т., не обязаны рассчитывать на быстроту ума буржуазных правительств. Я думаю, что никто не откажет нам в праве считать, что буржуазный класс, как класс, погибающий, обладает очень маленькой дозой исторической прозорливости. Но все-таки, нельзя же, действительно, полагать относительно наших врагов, что они уж такие медные лбы, что факт 5-летнего существования пролетарской республики ничего им не говорит. Конечно,

этот факт способен пробить некоторые лбы. И вот этот факт и заставляет пересматривать свое отношение к России даже самых закорузлых, самых боевых, самых непримиримых и самых ненавидящих нас капиталистических стран. Из них же первая Америка. Американское правительство обратилось к Советскому Правительству с предложением прислать нам сюда комиссию для исследования положения дел в России. Предложение, конечно, было сделано в очень любезной форме и поэтому получило столь же любезный ответ. Мы ответили американскому правительству, что вполне понимаем интерес, который проявляют американская буржуазия и американское правительство к нашим внутренним делам, к состоянию нашего рынка, к состоянию нашей промышленности, что после четырехлетнего полного отсутствия интересов к Советской России и очень глубокого интереса к царскому послу в Америке, к царской России, после этого нам приятно приветствовать то, что американское правительство хочет ознакомиться с нашим внутренним положением. Но мы не можем не быть логичными и предполагаем некоторую логику и у Америки. Раз Америка была отрезана от России, то ровно столько же времени и Россия была отрезана от Америки. И поэтому мы сказали, что согласны на приезд к нам комиссии для исследования, но лишь в том случае, если и русское государство, русский пролетариат и крестьянство, тоже получит возможность исследовать через особую комиссию положение дел в Америке. (Аплодисменты). После всего этого, т.т., оказалось (так, по крайней мере, заявили нам представители, достаточно осведомленные со стороны Америки), что все это ни более ни менее как недоразу-

мение, что Америка совершенно не собиралась в таком смысле исследовать нас и поэтому она не считает нужным, чтобы мы исследовали ее, и что не лучше ли было бы тогда обменяться комиссиями уполномоченных для того, чтобы завязать деловые переговоры и при этих деловых переговорах получить действительно необходимые справки. Это предложение, конечно, приветствовалось бы нами всецело, и на этой почве деловых переговоров, конечно, Россия, и такая богатая, громадная страна, как Америка, могли бы нащупать и найти тот общий язык, на котором нам, наконец, надо будет заговорить, если действительно мир, в смысле земного шара, требует мира в смысле отсутствия войны.

В это время в Америке произошло новое явление: правительство на выборах потерпело поражение и из выборов вышла новая группа, которая первый раз в Америке пошла на избирательную кампанию,—не будучи коммунистами,—наоборот, преследуя коммунистов—с развернутыми знаменами, требовавших в области внешней политики фактического и юридического признания Советской Власти. Эта группа сенаторов Бора и Ладолета. Это явление показывает, что в самой американской буржуазии нарождается течение, которое, наконец, понимает тот непреложный факт, что советская власть существует 5 лет; понимает и тот факт, что ее нельзя сковырнуть штыками даже самой лучшей французской или английской выработки; и наконец, понимает и то, что хочет ли Америка или она того не желает; хочет ли Франция или не хочет, хочет ли Англия или не желает,—а мы живем и мы развиваемся,

как независимое, самостоятельное, ни перед кем несклоняющее головы государство (аплодисменты).

Из этого краткого обзора событий после Генуэзской конференции вы могли заметить, что без России нельзя обойтись Европе,—даже без России, не платящей долгов. Как это ни печально, но они должны это признать. И не только эти отдельные договоры, отдельные избирательные платформы, о которых я говорил, но и более общие факты свидетельствуют о том же. Один из этих фактов—Лозанская конференция.

Лозанна.

Лозанская конференция создана была победой турецкого народа над теми, кто хотел его закабалить и превратить в колонию империалистических держав. И поскольку турецкие крестьяне взяли на плечи винтовки, чтобы сражаться за свою независимость, и поскольку с этой винтовкой в страшных мучениях они одержали победу над империализмом,—мы эту победу турецкого народа в борьбе за его независимость приветствовали и приветствуем. Но международная конференция, которая явилась результатом победы турецкого народа, вместе с тем, характеризует и общее международное положение и то, что мы можем ожидать от тех методов решения международных проблем, которые применяли патентованные дипломаты цивилизованных и культурных стран. Вы знаете, что Турция воевала с Грецией, но для вас не секрет, что Греция является ничем иным, как наемным солдатом Англии. Пускай не сочтут это за какое-либо оскорбление: я вывожу это из наблюдений над тем, что делается сейчас в Греции. После того, как греческая армия была разбита, греческий король был свергнут, греческие министры были приведены на суд, и суд

предъявил им обвинение ни в чем ином, как и в измене и в служении чужим интересам. Греческие министры поплатились за это своей головой. Греческий народ расправился со своим королем и своими министрами такими средствами, которые не приняты в цивилизованных странах; может быть это приведет к тому, что и Грецию зачислят в стан советских республик, но, поскольку нам известно, в Греции нет никакого советского строя, там произошла буржуазная, типично национальная революция, которая явилась результатом того, что одна клика буржуазии запродала греческих солдат Англии для удушения Турции.

Теперь явившаяся на Лозаннскую конференцию Англия продолжает ту же политику. Лозаннская конференция на деле превратилась в дуэль между Англией и союзом, который еще не оформлен, но который фактически существует, — между Англией и союзом советских республик. Эта дуэль идет на спине турецкого народа, ибо так желает Англия. Турецкое правительство поставлено там в такое положение, что его заставляют подписать мир и мирные условия, которые, если бы они оказались подписанными, в большей степени сводили бы на-нет победы турецкого народа.

Какова же позиция русской делегации на Лозаннской конференции? Что должна она отстаивать? Мы явились туда, как друзья Турции: друзьями Турции мы были в момент, когда Турция была сдавлена врагами и казалась безнадежно погибшей, друзьями Турции и турецкого народа мы остались и в момент его победы, и друзьями турецкого народа мы останемся, поскольку турецкий народ будет бороться против империалистических захватов. (Аплодисменты).

Отстаивая целиком суверенитет Турции на Лозаннской конференции, мы остаиваем его даже тогда, когда нынешнее турецкое правительство не находит в себе достаточно энергии, чтобы отстаивать эти плоды народной победы перед лицом бывшего вице-короля Индии, а ныне министра иностранных дел Керзона, даже тогда, когда турецкое правительство не может (я не говорю не хочет) сделать это.

Господин Милюков, иностранная деятельность которого должна ныне ограничиться тем, что он, по поводу выступления товарища Чичерина в Париже, пописывает передовицы, (а по существу он считает, что роли должны были бы перемениться, и он должен был бы быть в Лозанне, а Чичерин должен был бы пописывать статейки в эмигрантском органе), господин Милюков пытается уколоть нас тем, что мы отстаиваем в Лозанне турецкую позицию, что наша платформа не есть платформа русская, а есть платформа турецкая. Это все совершеннейшие пустяки, и господин Милюков путает, потому что у него совершенно отличное от нас представление об интересах России на Черном море. Программа Милюкова, — та программа, за которую пролито море крови русских рабочих и крестьян, заключалась в захвате Константинополя, заключалась в политике союза России царской или буржуазной с буржуазной Англией, направленною против Востока, против его самостоятельности, против его независимости. Таким образом, захват проливов,—вот программа Милюкова. Наша программа диаметрально противоположна. Мы не отрицаем важности и значения Черного моря и проливов для экономического и хозяйственного развития России, мы этого не отрицаем теперь, мы этого не

отрицали никогда и раньше. Но мы отрицаем, что проблема эта могла бы быть решена захватом Дарданелл и Константинополя со стороны России, на чем сговорились г.г. Сазонов, Бьюкенен и Милюков, или их захватом со стороны Англии, как отстаивает это Керзон в скрытой форме сейчас.

Сов. Россия и проливы. Мы уверены, что интересы Советской России в Черном море и в проливах могут быть защищены только и исключительно в союзе с суверенной Турцией против империализма Англии и всех других европейских держав. Вот наш тезис, и поэтому для нас, когда мы отстаиваем суверенную Турцию, дело не только в интересах турецкого народа, а и в интересах русского народа и русских экономических хозяйственных ресурсов.

Проблема сейчас, сегодняшний день, стоит таким образом: резрешить ли свободный проход через проливы военных судов? Англия требует этого во что бы то ни стало, Турция, вернее, турецкое правительство (хотя подобная уступка Англии была бы несомненно уменьшением суверенитета Турции, ограничением ее верховных прав над этими водами и берегами) готово, видимо, итти на очень значительные уступки. Мы на эти уступки пойти не можем. Мы не можем согласиться, чтобы наше побережье, все тысячеверстное побережье Черного моря было бы каждый момент открыто для прямого нападения иностранного военного флота. Мы не можем скрыть от себя того, что когда лорд Керзон настаивает на Лозаннской конференции на свободе проливов для военных иностранных судов, он тем самым расширяет пространство будущей войны. Мы хотим, чтобы Черное море и его побережье были изолированы от всякой

возможности дальнейшей войны. Для этого путь только один—открыть берега Черного моря для торговли и закрыть проливы для военных судов.

Когда против этого тезиса выступает Англия, мы понимаем ее интересы, мы понимаем, что она хочет держать в этом виде контроль над всем ближним востоком, но это есть поле расширения возможной грядущей войны. Англия принуждает нас и все побережные государства вооружаться против возможного нападения, ибо, отстаивая свободу прохода военных судов через проливы, она фактически ставит под обстрел все южное и кавказское черноморское побережье. Поэтому, если бы турецкие делегаты нашли для себя возможным поставить свою подпись под таким документом, которым открываются проливы для военных судов, то для русской делегации возник бы очень серьезный вопрос, может ли она поставить свою подпись под такого рода документом, или его задача будет заключаться в том, чтобы разоблачить перед всем миром намерения буржуазных правительств и сказать: под документом, которым открывается для враждебного флота побережье Черного моря, подписи Советского Правительства быть не может.

Грядушая война.

Т.т., вы видите, что чѐм бы ни кончилась Лозаннская конференция, она сеет новые семена недовольства, она не разрешает ничего, она не устраняет ни одной проблемы, которые сочатся народною кровью, и мы должны сказать это относительно всего международного положения. Надо смотреть правде в глаза, и если эту правду не хотят сказать на десятках и дюжинах международных конференциях, на которых собираются дипломаты всего мира, то мы по своему

международному положению оставили за собой право сказать эту правду. Жестокая правда в том, что война тлеет ныне во всех уголках Европы. Только что она загорелась на побережье Эгейского моря, она сейчас тлеет на берегах Рейна, где Франция требует принятия военных мер. Она, эта грядущая война, сочится на каждой конференции, где разбирается репарационный вопрос, который когда-нибудь в истории будет служить лучшим доказательством,—доказательством математически ясным и точным ничего иного, как материалистического понимания истории. Можно ли найти другой какой-нибудь образец, когда под великой грудой, великим хламом слов о цивилизации, о разоружении, о войне против войны, о борьбе за мир и т. д., явно для всех лежали ничем неприкрытые своекорыстные интересы. Проблема репарации есть ничто иное, как проблема того, сколько сорвет Франция или Англия с истощенной Германии, сколько возьмет угля, золота и других предметов и продуктов. И этот вопрос превращает ныне всю международную политику и всю международную дипломатию в грязную свалку своекорыстных интересов, в мелочную лавочку, где ставятся на кон не что-либо иное, как миллионы жизней людей, а господа дипломаты, вроде Керзона, поливают эту тлеющую искру керосином своих дипломатических речей. Многие страны находятся в таком положении, что ни один народ не может знать, не возгорится ли эта война завтра. И, конечно, ни Гаагская конференция, которая только что закончилась, на которой Интернационалы счастливо об'единились для того, чтобы еще раз обмануть народы, обмануть пролетариат словами о пацифизме и о мире, звонкими резолюциями о возможных заба-

стовках против войны, ни другие подобные конгрессы действительного мира не обеспечат. Мы можем заранее сказать, (и я возьму на себя это пророчество, ибо твердо знаю, что оно исполнится), что точно так, как Вандервельде, Гюисманс, Томас, и Клайнс в Базеле, в 1912 году, принимали резолюцию, чтобы бороться против всякой войны всевозможными средствами, вплоть до всеобщих стачек и восстаний, а через два года вошли в состав правительств воюющих стран и погнали на бойню пролетариат,—точно так и теперь резолюции Гаагской конференции, 2 и 2½ Интернационалов о всеобщей забастовке, в виде средств борьбы против войны, конечно, не приведут ни к каким результатам и не дадут никаких последствий.

Когда после подписания Генуэзского договора о ненападении Англия нанимала Грецию для того, чтобы напасть на Турцию, кого останавливал тогда Томас, кого призвал к ответу? Греческий народ отнюдь не коммунисты. Офицеры греческой армии не только не коммунисты, не социалисты, но они никогда не слышали, вероятно, даже о 2 Интернационале. Между тем, они срубили головы всем министрам, которые продали греческую армию Англии.

Где же был Томас? Где был Томас тогда, когда английское правительство делало это? Чем ответил он?.. Превыспренной резолюцией на Гаагской конференции, которая ничего не даст для мира и которая только обманет трудящиеся массы.

Разоружение.

Есть другой метод. Этот другой метод мы и предлагаем все время. Этот другой метод заключается в фактическом разоружении. Вы знаете, что вопрос о разоружении есть любимый вопрос лиги наций, которая,

в свою очередь, является любимым детищем всех буржуазных правительств. И вот это любимое детище всей буржуазной дипломатии и всех пацифистов в продолжении уже трех лет занимается своим любимым вопросом о разоружении, усиливая в то же время вооружение. В Генуе мы подписали вместе со всеми другими державами договор о ненападении. В Генуе же был поставлен вопрос о разоружении и, конечно, отвергнут после того, как т. Чичерин предложил вести это разоружение в действительно деловом порядке, а не в порядке одних только словесных резолюций. Для того, наконец, чтобы поставить дело разоружения на правильную почву, Советское Правительство предложило прежде всего своим соседям с'ехаться здесь, в Москве, на специальную конференцию о разоружении, и результаты этой конференции весьма существенны потому, что они действительно характеризуют, насколько готов буржуазный мир сложить оружие, насколько он способен это сделать.

Товарищи, мы не только представители Советского Правительства, мы марксисты и коммунисты, которые имеют претензию обладать методом изучения общественных явлений, который дает нам правильное предсказание, и потому ни в одной из наших речей и ни в одной из наших книг нельзя прочесть указания на то, что буржуазия и буржуазное государство может разоружиться до тех пор, пока оно остается буржуазным. Но, оставив в стороне наши теоретические предпосылки, мы предложили тем, которые явились на нашу конференцию, практически обсудить вопрос. Не полное разоружение предлагали мы им, — нет, а лишь первые шаги, те шаги, которые немножечко сняли бы бремя

налогов и угрозу войны с плеч трудящихся масс. До тех пор, пока это предложение оставалось в области, как называли наши соседи и наши контрагенты, морального разоружения, все шло более или менее хорошо. Оказывается, что морально все готовы разоружиться. Когда же, однако, после того, когда было установлено счастливо и к всеобщему удовольствию, что моральное разоружение всеми признается, когда после этого т. Литвинов с свойственной ему прямотой сказал: „А не пора ли нам перейти теперь от разговоров о моральном разоружении к вопросу о том, насколько тысяч солдат меньше будет в каждой из армий наших стран“, тогда представители других держав заявили, что хотя этот вопрос и очень существенный и важный, но они сейчас не склонны подписывать какие бы то ни было соглашения, касающиеся этого не морального, а действительного разоружения. Я слышал по этому поводу вопрос: „Кто же с нами разговаривает—моралисты или милитаристы?“. Действительно-ли их так уж заели моральные проблемы, что они из-за морали не видят действительной жизни, или это моральное разоружение должно прикрывать отказ от действительного разоружения.

Сокращение Красной армии.

Кто перед нами? Моралисты или милитаристы? Я думаю, что на этот вопрос, т.т., каждый ответит из простого сопоставления фактов. Мы тоже хотим в этой области сопоставить факты, и независимо от того, что в Генуе было отвергнуто наше предложение о практическом разоружении, независимо от того, что здесь, в Москве, на конференции с нашими соседями, было отвергнуто наше предложение от морали перейти к делу, а, значит, к действительному разоружению, несмотря

на это и несмотря на то, что продолжается вооружение всех других держав, мы уже приступили, уже проводим и дальше будем проводить фактическое, действительное разоружение в смысле сокращения нашей Красной армии. Красная армия пережила громадный демобилизационный процесс. Втечение этого года наша армия уменьшена на 1 миллион солдат. С этой цифрой в руках мы готовы явиться на любой международный форум и потребовать от наших соседей и от тех, с которыми мы разговаривали на конференциях, отчета и представления нам таких же цифр. Армия наша уменьшена на миллион человек, и она будет сведена к тому минимуму, который потребуется от нас тем фактом, что мы имеем против себя людей, относительно которых мы не знаем, кто они: моралисты или милитаристы. Если бы это действительно были моралисты, мы пошли бы и гораздо дальше, но поскольку мы не уверены, действительно ли они моралисты, постольку сокращение нашей армии не может итти до того предела, до которого мы хотели бы довести его. Поэтому, сокращая нашу Красную армию и демонстрируя перед всеми народами действительную волю Советского Правительства к миру и сокращению вооружения, мы в то же самое время должны будем напрячь все свои силы для того, чтобы поднять качественный состав этой армии и сделать ее такой, чтобы мир, который нами завоеван, тот мир, который упрочен нами, в результате 4-летних боев, чтобы он действительно был нам гарантирован и чтобы всякий, кто хотел бы поднять руку против Советской России, чувствовал бы и знал бы, что в ответ на это поднимается не только вся пролетарская и крестьянская Россия, как

поднималась в 1919—20 и 21 г.г., но что во главе этих отрядов народа пойдет хорошо дисциплинированная, обученная армия, которая не будет знать поражений, а будет знать только одни победы. (Аплодисменты).

Устойчивые и неустойчивые правительства.

Заканчивая обзор нашего внешнего положения, я должен еще указать на то, что мы встречали некоторые, несколько неожиданные, затруднения в ведении наших переговоров и сношений с другими странами. Как вам известно, нам приходится иметь дело со странами, в которых господствует демократический образ правления и в которых, как написано во всех меньшевистских книжках, правительства опираются на волю народа. Нам известно, что мы живем в такой стране, в которой по тем же книжкам предполагается, что власть совершенно неустойчива, что она живет не божьим, а дьявольским попущением, что она совершенно не отражает интересов народа. Но на деле нам пришлось сталкиваться все время с тем обстоятельством, что не было никогда, кажется, в мире таких неустойчивых правительств, такой министерской чехарды, которую мы наблюдали за последний год во всех государствах, кроме Советской России. И действительно, если мы взглянем на положение тех стран, с которыми нам приходится вести переговоры, то мы увидим, что там, кроме демократических выборов, демократических способов назначения правительств, господствуют еще способы фактических поправок к народному голосованию. (Аплодисменты). Когда, например, итальянский парламент устанавливает свое правительство, то затем приходит Муссолини и делает фактическую поправку к народному голосованию, и нам приходится иметь дело с другим прави-

тельством. Когда, например, германский парламент устанавливает правительство и включает в его состав Ратенау, то тогда приходит тоже представитель определенных групп населения и вносит фактическую поправку к этому голосованию при помощи простого убийства этого министра. И, наконец, когда наш ближайший сосед—Польша—выбирает первого своего президента, выбирает, после народных выборов, которые, я уверен в этом, были всецело демократически гарантированы, в которых польское правительство приняло все меры к тому, чтобы дать народу высказать открыто свою волю, после этого приходит какой-то Невядомский (имя, впрочем, не важно) и вносит фиктическую поправку к этому голосованию устранением Нарутовича с политической и вообще с жизненной арены. При этих условиях нам не остается ничего другого, как сказать себе: Советская Власть неустойчива, Советская Власть не отражает интересов народа, она не демократична, и, однако, Советская Россия пронесла через 5 лет гражданской и внешней войны единый состав правительства и единого главу правительства. (Продолжительные аплодисменты).

Т.т., итог моего доклада по внешней политике кратко должен быть сформулирован так: мы вступили в этот год с желанием мира. Мы в продолжении года отстаивали политику мира. Мы входим в новый год с твердым желанием эту политику мира сохранить и провести ее во что бы то ни стало. Во имя этой политики мира мы идем на конференции, готовы подписать в каждый данный момент любое деловое соглашение, гарантирующее нам мир и нормальные хозяйственные отношения, и вместе с тем мы приступаем и факти-

чески уже приступили к реальному сокращению Красной армии. Мы никому не грозим, но мы требуем только одного, чтобы нам не грозили, ибо если от угроз по отношению к пролетарской республике кто-либо попытается реально угрожать жизни и интересам трудящихся, то наша Республика, даже с сокращенной армией, сможет выдвинуть неисчислимые силы в защиту своих границ, своей чести и своей независимости. (Продолжительные аплодисменты).

Фронт внешней торговли.

Т.т., имеется еще один международный фронт, на котором я остановлюсь очень кратко для того, чтобы перейти к нашему хозяйственному положению и к нашей внутренней политике—это фронт внешней торговли. Армия играет большую роль во внешней политике, но и торговля, как известно, играет очень немаловажную роль.

Этот фронт внешней торговли за последнее время сильно расшатывался контр-агентами мировой буржуазии. Расшатывая этот фронт и пытаясь пробить брешь монополии внешней торговли, наш противник—мировая буржуазия—знал, что делает. Не имея возможности покорить Советскую Власть при помощи прямого нападения, она избрала другой, обходный маневр: этот маневр есть превращение естественных богатств России в тот источник, из которого будет получать доход иностранный капитал,—иначе говоря, превращение России в колонию. Против этого маневра у Советского Правительства есть единственное, но зато действительное оружие—это монополия внешней торговли.

Т.т., нападения на эту монополию и на то, как она проводилась, очень велики. Впрочем, я не знаю, больше ли они или меньше тех нападок, которые сыплются, скажем, на Высший Совет Народного Хозяйства, или на наш транспорт. Во всяком случае, если признать даже, что большинство тех нападок, которые сыплются на внешнюю торговлю законны, если признать, что аппарат внешней торговли у нас еще очень слаб, если признать, что мы далеко не развили того экспорта, который нам необходим, а здесь я присоединяюсь ко всем критикам и думаю, что мы подтвердим, что экспортные возможности России далеко не развиты в той мере, в какой они должны быть развиты,—если все эти ошибки и недостатки признать, то мы лишь должны будем сказать: мы должны еще много работать над улучшением аппарата внешней торговли. Мы должны будем еще, вероятно, неоднократно перестраивать этот аппарат, давать внутри этого аппарата те или другие права нашим хозяйственным органам, но эта реорганизация нашего основного аппарата монополии ни в коем случае не должна колебать самого принципа монополии, т.-е. того положения, что торгуют за границей не отдельные купцы и не иностранные купцы, а торгует с за-границей Российское Советское Правительство, в своих руках держащее все экспортные фонды, которые мы можем направить на международный рынок.

Этот вопрос тем более важен, что по мере падения всякой надежды на иностранную интервенцию в военной форме, еще более оживает надежда на торговые интервенции, на захват в той или иной форме наших сырьевых рынков, наших промышленных баз. Так же,

как и в других областях, мы должны будем сказать: здесь не предвидится никаких отступлений и мировой капиталистический рынок должен считаться с тем, что впредь, как и доныне, торговля внешней России будет государственной монополией, она будет одной из тех командующих высот, которых мы не сдавали и сдавать не собираемся.

Господа иностранные капиталисты, содействие которых в деле экономического возрождения России необходимо и иностранный капитал, содействие которого нам весьма желательно, должны, однако, считаться с некоторыми принципами Советской Республики. И так же, как они считаются уже с принципами национализации, так же, как они считаются уже с принципом сохранения власти в руках пролетариата, также они при дальнейших своих отношениях должны считаться с нерушимостью принципа монополии внешней торговли и не обманывать себя насчет того, что реорганизация форм этой монополии, которая производится внутри Советского аппарата, может в чем бы то ни было поколебать самый принцип монополии внешней торговли.

Смешанные общества.

Мы знаем, что этот принцип монополии отнюдь не мешает тому иностранному капиталу, который действительно хочет с нами работать, эту работу вести. Справка из главного концессионного комитета сообщает, что в продолжении этого года на его рассмотрение поступило до 500 предложений, касающихся разного рода концессий и смешанных обществ. Из этих многочисленных предложений утверждено, правда, только 25, находится еще на рассмотрении—250. Но эта масса

предложений, а также и характер утвержденных договоров, показывают нам, что вполне возможна та форма участия иностранного капитала в востановлении нашей промышленности и торговли, которая предполагается смешанными обществами. Наиболее крупное и солидное из этих смешанных импортно-экспортных обществ, есть общество Отто Вольфа, которое состоит, с одной стороны, из представителей германского капитала, с другой стороны, из представителей наших государственных органов и которое делит прибыль от вывоза и ввоза пополам, которое вместе с тем подчиняется всем законам Советской России. Этот тип смешанных обществ может, действительно, послужить и, наверно, послужит тем образцом, по которому должны быть созданы будущие многочисленные смешанные общества.

Уркарт. Говоря о многочисленных предложениях и многих уже действующих смешанных обществах, я должен упомянуть и о том, что нам пришлось отклонить одну чрезвычайно важную концессию, которая имела за собой очень много в смысле политическом. Эта концессия предусматривала наше соглашение с таким представителем капитала, который стоял во главе всего враждебного нам капиталистического фронта, который, при помощи соглашения с нами, действительно может, так сказать, открыть новую эру в деле вливания иностранного капитала в дело возрождения России. Я говорю о концесси Уркарта. Вы знаете, что мы эту концессию отвергли. Прежде всего потому, что она требовала по своей грандиозности, по своей мощности такого типа устойчивых политических отношений с Англией, капитал которой представлял Уркарт, которого на самом деле, у нас не было. Мы охотно

отделяем экономику от политики и охотно заключаем деловые соглашения с капиталистами, не справляясь о том, какая политическая система господствует в их странах, или каковы те политические отношения, которые существуют между нами и данной страной. Но в той грандиозной концессии, которую представляла из себя концессия Уркарта, нам нельзя было не обратить внимания на то, что как раз в это время Англия заняла против нас враждебную позицию, которую я сейчас охарактеровал, на образце Лозаннской конференции. Концессии, обещающие приобретение громадных пространств и площадей к новой экономической жизни, имеют в себе много экономических плюсов и подлежат рассмотрению с чисто деловой точки зрения. Эта концессия была нами отвергнута по мотивам чисто политическим, и, поэтому не исключена возможность, что прояснение политического горизонта даст возможность вновь обсудить конкретные предложения, которые заключаются в этой и возможных других концессиях.

Резюмируя, должен сказать, что в области концессий и в области создания смешанных обществ нами сделано в этом году еще очень недостаточно. Однако, препятствия в этом направлении лежат не со стороны Советского Правительства,—наоборот, мы готовы принять на рассмотрение и отнестись самым доброжелательным образом к любому деловому предложению, поскольку оно не заключает в себе ни политических диверсий, ни монополистических тенденций, и также готовы приветствовать всякий иностранный капитал, который на этих условиях придет к нам, чтобы помочь экономическому возрождению России. Мы понимаем,

что капитал может притти к нам только из-за заработка, и этот заработок мы дадим, и не возражаем, чтобы он был достаточен, чтобы оправдать, — не с нашей пролетарской точки зрения, а с их капиталистической точки зрения,—затраты капитала. Мы требуем только, чтобы этот капитал был аполитичен, чтобы он был капиталом не спекулянтским, а действительно производительным, чтобы он желал действительно приложить силы к тем отраслям нашего производства, на которых держится народное хозяйство. К вопросу о народном хозяйстве я и хочу сейчас перейти.

Внутренняя политика.

Преимущество настоящего с'езда заключается в том, что мы не должны вести никаких принципиальных споров; время принципиальных политических споров прошло. К счастью для нас, вопрос о новой экономической политике перестал быть вопросом принципиальным, перестал быть спорным, перестал нуждаться в об'яснении: он стал всеми признанным, всеми одобренным методом политики советской власти. И наша задача сейчас заключается не в том, чтобы еще раз об'яснить, как и почему пришли мы к новой экономической политике, какое значение она имеет и т. д., а наша задача заключается в том, чтобы проверить, что сделано за год на путях новой экономической политики: как расположены силы, какие получены результаты и какие можно сделать выводы на новый год. Эта фактическая проверка требует одного предварительного вопроса.

Из той ямы хозяйственной разрухи, в которую наша страна была ввергнута в результате продолжительных войн, теоретически мыслимы два пути.

Путь капитализма.

Один путь возрождения России лежит на основах капиталистического развития: нельзя развить хозяйство России, если не вступить на путь капитализма. Это путь, на который нас толкает очень большая сила,—всемирная буржуазия. Конечно, в корыстных целях на этот же путь толкает нас и наша русская буржуазия. Но, может-быть, наиболее харктерным для успехов этой мысли о необходимости капиталистического развития для России является то, что даже те партии, которые называют себя социалистическими, теперь уже без колебаний, прямо и откровенно выражают ту же точку зрения. Это настолько важно, что я разрешу себе прочесть несколько строк из газетки, называющей себя, конечно „социалистическим вестником“, из номера, который вышел в Берлине 4-го октября и который, по-моему, в этом отрывке должен быть распространен, так распространен, чтобы каждый рабочий и каждый сознательный крестьянин знал эти строки наизусть. Эти строки говорят: „Экономическая программа меньшевиков должна быть совершенно пересмотрена (это пишет Мартов). Партия должна отправляться от того положения, что восстановление разрушенного народного хозяйства в России будет совершаться преимущественно на капиталистических началах и что при данных исторических условиях это наиболее рациональный, т.-е. наиболее разумный, наиболее выгодный, наиболее правильный путь. Она должна, поэтому, занять определенно отрицательное отношение ко всем попыткам большевиков затормозить этот процесс во имя ли

отрыжки старо-коммунистической утопии или во имя чисто политической заботы о сохранении в руках государства источников экономического могущества".

Когда, т.т., капиталистический путь развития считают наиболее разумным, наиболее выгодным, наиболее целесообразным представители фабрикантов и заводчиков, то, конечно, это не может нас ни капельки удивить. Но когда партия, издающая газетку под названием „Социалистический Вестник", называющая себя социалистической и даже рабочей партией, говорит, что наиболее разумный путь,—путь капитализма, и на этот путь должна стать Россия, тогда мы должны отдать себе ясный отчет, что это есть ничто иное, как партия капиталистической буржуазии. Вместе с тем, мы не должны отказываться от внимательного рассмотрения нашей действительности и уяснить себе—достаточно ли далеки мы от того пути, который рекомендуют нам враги. Мартов пишет дальше: „Потому, привлечение частного капитала во всех формах, вплоть до передачи ему предирпятия в полной мере, (что отнюдь не обозначает передачи его именно старому собственнику) должно быть общим правилом и интересы пролетариата и общества должны быть ограждаемы". Вот, т.т., ясная и определенная программа людей, называющих себя социал-демократами.

Есть у нас и еще старые знакомцы, которые называют себя социал-революционерами. Передо мной сборник, под наименованием „Крестьянская Россия". Он издается на чехо-словацкие деньги в Праге. Пишут там эсэры, народники и социал-демократы. В первом номере они публикуют программу, в которой выдвигают следующие положения программного характера по

наиболее существенному вопросу—устроения России.

Вот что они пишут: во-первых,—„Решительное отрицание существующей большевистской власти и признание полной невозможности какого-либо соглашения с ней“ (это ıы, конечно, знаем). Следующий пункт „энергичное со.ействие восстановлению буржуазных экономических тношений в промышленности, торговле и кредите в дугих областях хозяйства“. Это тоже не оставляет жлать ничего лучшего по ясности, и если бы в загсовке стояло не „крестьянская“ Россия, а капиталистическая Россия, гучковская Россия, милюковская Роия, это было бы понятно, но вы видите, что эти лди хотят действовать через крестьянство. Они наются на то, что тот путь развития, который они екомендуют вместе с меньшевиками, а именно, капитлистический путь развития придет к нам через крестьина и поэтому они пишут о крестьянстве осторо:ее, чем о рабочих. Относительно рабочих програмь их ясна: рабочие должны перейти в громадной исе на частные предприятия, стать под палку частго хозяина. О крестьянах они говорят так: „Оставнис в использовании трудового крестьянства земелельскохозяйственного значения, исключая земель шико-общественного значения и земель, которые не гут быть обрабатываемы в данное время силами крьянских хозяйств“.

Итак, ı люди научились кое-чему. Они знают что тепер нельзя сунуться к крестьянам с предложением вращения помещиков, они знают, что все армии беавардейцев были разбиты на этом, и поэтому орбращаются к крестьянам и говорят: „покуда мытавляем в пользовании крестьян те земли,

которые они захватили в революцию". Но это „покуда" нужно понимать—до тех пор, пока этим людям не принадлежит власть; когда же они на спинах крестьян, как они мечтают, доберутся до власти, то слово „покуда" исчезнет, а „пользование" будет истолковано так: Попользовались и будет... Теперь верните землю тому, кто является действительным собственником.

Вы видите, против нас в области хозяйственной—совершенно определенный путь, теоретически мыслимый путь хозяйственного развития по капиталистическому руслу. На этот путь мы толкаемся не только мировой обстановкой, капиталистическим окружением, не только интересами старой и новой русской буржуазии, но на этот прямой путь толкают нас все партии, называющие себя даже социалистическими. Теперь против нас единый фронт, и этот фронт говорит: спасение России только в том, чтобы стать на капиталистический путь.

Наш путь.

Вы знаете, т. т., наш путь—другой. Он заключается в том, что мы предоставляем частному капиталу лишь те отрасли промышленности и хозяйства, которые мы не концентрируем в руках своего рабоче-крестьянского государства. Это—первое. Вторая отличительная черта нашей политики—в том, что государственная промышленность и частный капитал конкурируют друг с другом на вольном рынке.

Давайте же посмотрим,—что за год, росла-ли или ослабла армия государственной промышленности, противопоставляемая армии частного капитала? Что мы имеем на рынке, где происходит решающий бой и спор между капиталистическим путем и тем путем, по которому ведет нас РКП. Этот спор должен быть и

будет решен на рынке. Поэтому точно так же, т. т., как в 1920 г. не было сознательного гражданина России, который не следил бы за передвижением белых и красных фронтов, за передвижением того шнура на карте, который отмечал стратегическое движение армий,—точно также и сейчас не может быть сознательного гражданина в РСФСР, который не следил бы за тем, кто берет верх,—государственная-ли промышленность или частный капитал, что одерживает победу на вольном рынке,—обобществленое и находящееся в руках государства народное имущество, или то имущество, которое не обобществлено и находится в распыленном состоянии в руках отдельных производителей, в руках отдельных новых капиталистов—нэпманов.

Две силы.

С чем же мы выступаем,—какова армия государственного капитализма? Чтобы иметь возможность дальнейшего сравнения, я приведу небольшие цифры. Что мы оставили за собой, когда перешли к новой экономической политике? Мы оставили за государством все земли и все леса. 95% нахотной земли обрабатывается сейчас крестьянами. Мы оставили за собой железные дороги, 63 тысячи верст, на которых работает около миллиона рабочих. Мы, как я сейчас указывал, оставили за собой всю внешнюю торговлю и, наконец, мы оставили за собой основные отрасли промышленности. В общем и целом, если считать лишь ту промышленность, которая об'единена в государственные тресты, мы вступили в бой с частным капиталом, с необобщественным хозяйством, имея в своих руках 430 трестов, об'единяющих 4.100 предприятий,

с количеством рабочих приблизительно 1.300.000.*) Если же об'единить рабочих, занятых на этих трестированных предприятиях, с рабочими, которые заняты на других государственных предприятиях, включая и железные дороги, то мы имели в своей армии до 3.000.000 рабочих.**) Небезинтересно при этом отметить, что на всех национализированных до 1 ноября 1922 г. предприятиях работало 1.750.000 рабочих.

Вот, т. т., те, так сказать, наши батареи, которые мы выставили против частного капитала: полное государственное обладание землей, обрабатываемой крестьянами, полное сосредоточение в руках государства всей сети, в 63.000 верст, железных дорог и всего транспорта вообще, сохранение в своих руках основных отраслей промышленности и сохранение в своих руках всего вывоза и ввоза из советской республики.

Чем же обладает частный капитал? В руках частного капитала—все, что он мог получить при помощи денационализации и при помощи аренды. И он получил, по последним данным ВСНХ, приблизительно до 4.000 предприятий, на которых работает 70.000 рабочих и так—3 миллиона рабочих находятся на государственных предприятиях и 70.000 рабочих находятся на частных предприятиях. Причем на каждом из этих частных предприятий работает в среднем не более 20 человек. Что же касается области торговли, то предварительные расчеты дают нам картину, из которой видно, что капитал частный участвует в торговом обороте страны до 30% всего оборота.

*) „За пять лет“ (изд. ЦКРКП) данные т. Богданова.

**) Данная цифра охватывает количество рабочих в госпредприятиях, на транспорте, в лесном хозяйстве, раб. связи и т. д.

К этому мы должны добавить один немаловажный фактор. Все излишки крестьянского хозяйства тоже не обобществлены. Результаты крестьянского хозяйства, с одной стороны, потребляются в самом крестьянском хозяйстве, с другой, они поступают в оборот нашего планового государственного хозяйства, в виде 300 миллионов пудов хлеба, которые мы берем, как продналог. То, что остается у крестьянина, в виде излишков, относится уже к сфере не государственного, а индивидуального хозяйства. Итак, мы указали выше на две армии. Надо посмотреть, как эти армии боролись. Перед этим я должен оговориться, мы могли бы, так поставить вопрос: неужели стоит внимания борьба между грандиозными батареями, находящимися в руках государства, и между теми крохами, которые находятся в руках частного капитала?

Оценка врага.

Однако, прежде чем с легкой руки разрешить этот вопрос, я рекомендую вам послушать врага, который оценивает наше положение следующим образом: „Нэп еще только начинает выходить из пеленок, он еще только распрямляет свои члены, а государственное хозяйство чахнет, хиреет и отмирает? И что является у врага решающим,—это то, что та небольшая сумма экономического улучшения и хозяйственного под'ема, которая за последний год наблюдается в России, почти целиком выражается за счет этих семидесяти тысяч рабочих на жалких частных предприятиях и за счет 30% частного торгового оборота. Экономическое возрождение в России в настоящих условиях происходит и может происходить лишь в с л е д с т в и е и п о м е р е перехода от обанкротившейся, якобы, системы государственного хозяйства к хозяйству частному, т.-е. по

мере превращения 70 тысяч рабочих, занятых на частных предприятиях, в 200 тысяч, 500 тысяч, 700 тысяч и т. д.

Вот, т.т., оценка врага, „социалиста", конечно, из „Социалистического Вестника" в № от 9 декабря,— оценка, с которой мы должны посчитаться. Его надежды, его расчет построены на том,— что государственное хозяйство хиреет и чахнет; что все оживление в области промышленности и торговли, — результат частного капитала.

Дальнейшее развитие,—говорит тот же Мартов,— должно быть неизбежно результатом того, что, если сейчас работает на частных предприятиях 80 тысяч, их должно работать 200 тысяч, 500 тысяч, 700 тысяч, если сейчас участие частного капитала в товарообороте выражается в 30%, то оно должно достигнуть 50%, 70%, 80% и т. д., и, наконец, вся масса рабочих и вся торговля должны стать под руководство частного капитала. И вот, только тогда, когда рабочие перельются из государственных предприятий в частные предприятия, и вся торговля сосредоточится в руках частных купцов - только тогда наступит экономический расцвет. Так ли это? Так ли, что государственное хозяйство хиреет, а частное хозяйство процветает? Вот, мы и должны посмотреть, как мы производили. Мы знаем какую армию мы имели,—как же мы работали?

Как мы рабатали.

Внешная торговля.

Я, т. т., имея в виду, что по целому ряду отраслей нашей работы вам будут представлены отдельные доклады,—по вопросу о промышленности, финансах и земледелии, буду брать для оценки нашей работы

только самые минимальные цифры и только самые важные.

Я почти обойду молчанием, как мы работали в области внешней торговли. Скажу только одно, что вывоз в 1922 г. сравнительно с 1921 г. увеличился по имеющимся пока предварительным цифрам за весь 1922 год приблизительно в 6 раз.

Наша внешняя торговля по полугодиям за 1921 г. и за первую половину 1922 г. дала следующие результаты:

Наша внешняя торговля.

	1921 год.		1922 г.
	1-ая полов.	2-я полов.	1-я полов.
Вывоз (в милл. довоен. руб.).	3	18	24
Ввоз (в милл. довоен. руб.).	120	128	152

Покрытие ввоза вывозом в 1921 г. дало 5,6% ввоза в 1922 г.—приблизительно 23,1%. Впервые, в этом году мы стали вывозить нефть и лес в каком-нибудь мало-мальски, так сказать, достойном нас количестве. Нефти мы вывезли в этом году на 14 миллионов золотых рублей, леса—на 16 миллионов золотых рублей, всякого рода сельско-хозяйственных продуктов через Центросоюз—на миллионов золотых рублей. Таким образом, нет никакого сомнения, что здесь наша политика привела к правильному и необходимому результату, к увеличению вывоза.

Но это должно быть рассмотрено и с другой точки зрения: как же мы этот ввоз покрываем. В 1921 г. мы покрывали своим вывозом только 5,6% своего ввоза, т.-е., иначе говоря, мы из нашего скудного золотого фонда должны были покрывать почти все, что мы ввозили. Если бы эта политика продолжалась, это означало бы полное истощение нашего золотого фонда, невозможность оплачивать ввоз нашим вывозом, крушение монополии внешней торговли, проникновение туда частного капитала и торжество господина Мартова, который и мечтает об этом пути. Поэтому чрезвычайно важны эти цифры, говорящие, что если мы в 1921 г. покрывали своим вывозом лишь 5,6% своего ввоза, то в 1922 г. мы покрываем своим ввозом уже приблизительно 23,1% своего ввоза: $^{1}/_{4}$ уже мы покрываем не из золотых запасов, а из наших экспортных фондов. Это, товарищи, далеко недостаточно. Наши успехи пока только относительны.

Хорошо, что мы к 1922 г. чуточку продвинулись вперед, но если вы возьмете цифры довоенного ввоза и вывоза, то вы увидите, что мы страшно слабо еще понимаем значение внешнего рынка и страшно мало используем свой экспорт. Экспорт и его развитие есть одна из главнейших задач будущей нашей политики, политики ближайшего периода. Мы вывозим $^{1}/_{20}$ того, что вывозили до войны, а ввозим $^{2}/_{5}$ довоенного ввоза. Таким образом, мы, ввозим почти половину того, что ввозили до войны, а вывозим одну двадцатую часть. Если мы не хотим, чтобы монополия внешней торговли лопнула, чтобы здесь и через эту щель пришел к нам частный капиталист и захватил своими лапами нашу торговлю, а через торговлю и промышленность, если

мы не хотим, чтобы основные отрасли нашей промышленности ушли из рук государства в руки частного предпринимателя, мы должны напрячь все силы для экспорта, и он возможен в области нефти, и в области леса, и в области хлеба. Мы до сих пор о нем слишком мало думали и в этой области слишком мало работали. Перед нами задача усилить с этой стороны нашу работу.

Перейдем дальше к тому, как мы управлялись в этом году с транспортом. Может быть транспорт доставит удовольствие господину Мартову и покажет, что, действительно, государственное хозяйствование на транспорте хиреет и умирает и перед нами нет другого пути, как призвать капиталистических варягов и попросить их управлять транспортом? С транспортом дело, конечно, у нас обстоит не блестяще. Однако, если мы возьмем, характерные для состояния нашего транспорта цифры, то получим следующую картину: **Транспорт.**

НАШ ТРАНСПОРТ.

	На I/XI—21 г.	На I/XI—22 г	Больше на
Длина сети (верст) . .		67.000*)	
Паровозов	19.065	19.371	+306
В том числе здоровых	7.152	8.126	+974
Пассаж. вагонов . .	23.000	23.700	+700

Из приведенной таблицы видно, что, как количество здоровых паровозов, так и количество пассажирских вагонов увеличилось. Переходя к вопросу о состоянии погрузок, то и тут данные о постепенном улучшении на-лицо.

*) В том числе в Д. В. Р. 4000 верст железнодорожной сети

В 1913 г. в сутки грузилось 30 тысяч вагонов. В 1918 г. 7½ тысяч. В 1921 г. мы поднимаемся немножко—до 9½ тысяч. В 1922 г. —11½ тысяч. И наши транспортники говорят, что можно было бы, если б это потребовалось, довести погрузку и до 13 тысяч. Таким образом, после глубочайшего падения в 1918 г., когда транспорт мог перевозить только одну пятую часть того, что он перевозил в 1913 г, мы постепенно поднимаемся. Транспорт наш сейчас дает одну треть своей довоенной работы и вполне удовлетворяет тем требованиям, которые ему предъявляются.

Удовлетворение ж. д. топливом в этом году, по данным, представленным мне, составляют 100%, хотя перебои все же бывают. Иногда случается, что мы на той или другой дороге имеем топлива всего на 1—2 дня.

Если мы обратимся к вопросу о технической высоте работы нашего транспорта и попытаемся измерить ее в ходе топливоснабжения, то увидим такие цифры: дрова в снабжении ж. д. в 1913 г. занимали только 19%, остальное шло за счет нефти и угля. Это, конечно, очень высокое достижение. Дровами топилось только 13%. В 1919 году дровами мы принуждены были топить 88% ж. д. Это, конечно, объясняется полным расстройством Донбасса, тем, что Баку находился в руках оккупантов и т. д. Но с 1919 г. цифры меняются так: в 1920 г. топятся 64% дровами, 1921 г. —50%, а в 1922 г. не больше 40% топлива относится на счет дров. Остальное же опять переходит за счет угля и нефти. Это еще ярче видно если мы эти приведенные данные выведем в табличке:

% дров в общем топливоснабжении жел. дорог:

1913 г.	13%
1917 г.	13%
1918 г,	51%
1919 г.	88%
1920 г.	64%
1921 г.	50%
1922 г.	не более 40%

Таким образом, если взять общую картину состояния нашего транспорта за этот год, то, несмотря на очень тяжелое его положение, на полный недостаток у него средств, на необходимость поддерживать его из государственных, казалось бы, очень больших ассигнований, которые, вероятно, придется еще увеличить, мы видим, что тенденции к улучшению и в смысле общей работоспособности, и в смысле технической структуры, несомненно, есть на-лицо, и господину Мартову еще рано говорить, что наше государственное хозяйство на железных дорогах чахнет и хиреет, и что надо передать это дело в руки частного капитала.

Промышленность.

Теперь, товарищи, мы обратимся к самой главной отрасли нашего хозяйства, к промышленности, и посмотрим, как мы производили. Я должен сказать с самого начала — производили мы, товарищи, очень плохо и произвели очень мало. Общая сумма производства всех отраслей нашей промышленности достигает за этот год в среднем около 25 процентов довоенной продукции. Как этот процент переломлялся в некоторых отраслях промышленности, видно из следующей сводки данных:

Продукция.

	1920/21 г.	1921/22 г.	1913 г.	21/22 г. в %% к 20/21 г	21/22 г. в %% к 13 г.
Добыча угля (милл. пуд.)	472	588	1700	125	35
Добыча нефти (милл. пуд.)	233	280	555	120	50
Выплавка чугуна (милл. пуд.)	7	10	256	143	4
Производство железа и стали (милл. пуд.)	10	20	250	200	8
Прокатка гот. металла (милл. пуд.)	9	15	214	167	7
Выработка хл.-бум. суровья в милл. арш.	130	450	—	346	—
Выработка хл.-бум. пряжи в тыс. пуд.	1000	2800	16000	280	18
Выработка шерст. ткани в милл. арш.	22	30	100	136	30
Выработка льнян. ткани в милл. арш.	40	73	—	182	
Выработка льнян. пряжи тыс. пуд.	530	960	2000	181	48

Ценность продукции в зол. руб.

В 1912 г. составляла 4.450 мил.
„ 1922 г. „ 1.100 мил.

В 1922 году по сравнению с 1912 годом мы получили, следовательно, 25% довоенного производства.

Для полноты картины остановимся на количестве продукции, получаемой в различные годы на 1 душу населения.

Готовые продукты на 1 душу населения (в зол. рублях).

			в %%
В 1912 г.	на	32 р.	100,0
„ 1920	„	4,6 р.	14,4
„ 1921	„	5,25 р.	16,4
„ 1922	„	6,5 р.	20,3

Мы видим, что на душу населения в 1920 г., если принять за основу 1912 г. (100%) получается всего 14,4% готовых продуктов по сравнению с довоенным временем. Этот процент подымается в 1921 году всего лишь до 16,4%, в 1922 году он достигает едва 20,3%.

Таким образом, товарищи, хотя повышение и на лицо, но мы все еще очень глубоко в области промышленности сидим в той яме, в которую нас столкнули. Только пятую часть, четверть прошли мы со дна этой ямы до земли и поэтому здесь господин Мартов как будто мог бы радоваться—говорю, конечно, Мартов, потому. что он выражает наиболее ясно стремления капиталистического мира. Тут капиталисты могли бы сказать: вот. видите, вот ваше государственное хозяйство, вот

ваш государственный капитализм, вот оно хозяйство в руках революционного государства. Вы не можете произвести больше четверти того, что производили до войны, и, следовательно, вы должны крахнуть. Но для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны посмотреть положение вещей в их развитии, и выяснить, падаем ли мы или нет. Если бы оказалось, что мы, взяв в свои руки 4.000 предприятий, воплощающих в себе все основные отрасли нашей промышленности, за этот год пошли вниз или остановились на том же уровне, то это знаменовало бы, что новая экономическая политика недостаточное лекарство, что нам нужны какие-то более героические средства. И капиталистический мир тогда мог бы с некоторым основанием говорить: с этой задачей пролетарское государство справиться не сумело. Оно смогло справиться с задачей уничтожить буржуазию, оно смогло построить красную армию, оно смогло удержать в своих руках железные дороги, а вот в промышленности обанкротилось. Так ли обстоит дело? На это должны ответить опять-таки сухие и об'ективные цифры, которые, повторяю, товарищи, имеют для нас такое же значение, какое имели самые крупные стратегические узлы в эпоху непосредственной гражданской войны. Поэтому я позволю себе несколько подробнее процитировать цифры.

Возьмем, прежде всего, уголь. В 1920—1921 г. мы производили 472 миллиона пудов, в этом году—588; увеличение производства на 25%. Нефть: в прошлом году—233, в этом году 280 миллионов пудов; увеличение на 20%. Торф: довоенная цыфра—90 миллионов, в этом году—125 миллионов пудов. Металл: чугуна

выплавили в прошлом году 7 миллионов, в этом году—10 миллионов пудов. Железа и стали 10 миллионов, в этом году 20 миллионов. Прокатка готового металла: 9 миллионов пудов в прошлом году, 15 миллионов в этом году.

Товарищи, это все мизерные цифры. Да будет запрещено кому бы то ни было обольщаться значением этих цифр.

Цифры мизерные, ибо они дают от 4% до 50% того, что вырабатывалось до войны. Например, чугуна в этом году мы выплавили на 43% больше, чем в прошлом году. Но всего то мы выплавили 4% от того, что было выплавлено до войны. Это же можно было бы повторить и относительно других продуктов. Повторяю, мы еще очень глубоко сидим в яме, и только начинаем расправлять спину, на которую насели г.г. империалисты, но, улавливая тенденцию, рассматривая, идем ли мы вперед или назад, мы можем сказать: да, мы продвинулись на несколько шагов в этом году, даже в тяжелой индустрии, т.-е. в той индустрии, которая не работает на рынок, которая пускает свою продукцию в обращение только внутри государства,—я имею в виду уголь, нефть и металл.

Если же мы обратимся к легкой промышленности, которая работает на потребительский рынок, то мы увидим еще более поразительные цифры в смысле того прогресса, который мы сделали за последний год. Повторю две цифры из приведенной выше таблицы: суровья в 1921 г. мы выработали 130 м. аршин, в этом году 450 миллионов аршин—мы повысили производство сравнительно с прошлым годом на 240%. Хлопчатобумажной пряжи—в прошлом году 1 миллион

пуд., в этом году 2.800.000 пудов: повышение на 180%. Не буду затруднять вас другими цифрами: уже приведенные вполне достаточны для того, чтобы показать, что и в тяжелой индустрии, как и в легкой индустрии, работающей на вольный рынок, мы сделали сравнительно с прошлым годом, несомненные завоевания: наша армия промышленности продвинулась вперед, сравнительно с довоенной выработкой, еще очень мало, но сравнительно с прошлым годом мы, несомненно, находимся на пути, который способен нас вывести из той разрухи которую мы получили в наследство.

Производительность труда.

Я хотел бы, чтобы вы обратили внимание еще на пару цифр, которые характеризуют производительность труда.

Производительность труда.

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Проработано дней в месяц	—	17,6	18.2	21.4
Месячн. выработка 1 забойщика в Донбассе (в пуд.) . .	3550	1540	—	3219
На 1000 веретен приходилось рабочих .	9,6	24	—	12.1

Что же мы видим? Даже эта, далеко неисчерпывающая, пара цифр указывает на то, что количество проработанных дней в месяц на одного рабочего в 1920 г. было—17, в 1921 г.—18, в 1922 г.—21 для первой половины года и выше для второй половины. У забойщиков в Донбассе, который давал в 1920 г. половину

довоенной выработки, в этом году выработка достигла почти довоенной величины. Текстильная индустрия: на 1.000 веретен в 1913 г. было $9^1/_2$ производительных рабочих; в 1920 г. на такое же количество веретен приходилось 24 рабочих,—вот где была растрата нашей силы; в 1922 г. мы имеем уже только 12 рабочих. Все эти данные, не внушая нам никаких иллюзий, должны, однако, очень сильно разочаровать тех, кто полагает, что спасение заключается в том, чтобы перелить возможно большее количество рабочих из государственных, находящихся в распоряжении революционного государства предприятий, на частные предприятия, т.-е. восстановить режим частной собственности.

Мы достигли успехов в области индустрии, несмотря на то, что в этом году промышленность переживала очень тяжелое положение,—во-первых, в смысле коренного перелома в ней, ибо мы сразу перешли от системы военного коммунизма и главкизма в область хозяйственного расчета, который, правда, очень часто следует называть хозяйственным расчетом за счет государства, ибо есть много предприятий, которые находятся на хозяйственном расчете за государственный счет потому, что платить то за них все же должно государство. Во-вторых, мы перевели эти предприятия на хозяйственный расчет почти с полным отсутствием оборотных средств, и наконец, в начале этого периода был полный хаос в юридическом определении, а, следовательно, и в организационном положении всех наших хозяйствующих органов. Я не знаю большего хаоса, чем ответы на вопрос, что такое есть трест, какие его права и обязанности, перед кем он отчитывается, что он имеет право делать и чего он не имеет права делать. Я не

знаю большего хаоса, чем это различное понимание самых слов хозяйственный расчет. Добавьте к этому еще то, что мы никак не можем добиться точной отчетности и узнать, как, в каком смысле и на каких условиях циркулируют деньги из государственной казны в хозяйственные органы и затем обратно (впрочем обратно-то пока обыкновенно не бывает). Полный хаос в этих отношениях показывает, что промышленность действительно переживала трудный критический период.

В этой области нам теперь предстоит прежде всего уточнить юридическое и организационное положение наших хозяйственных органов. Затем мы должны, наконец, добиться учета внутри круга государственной промышленности. Я нахожусь последнее время в таком положении, что, будучи обязан составить себе полную картину того, что у нас есть и чего у нас нет, сколько денег мы израсходовали и сколько у нас осталось, я провожу буквально месяцы над тем, чтобы добиться самой простой справки, как наша промышленность торгует? Я неоднократно говорил, что гораздо легче разрешить любую социологическую задачу и сделать прогноз относительно общего хода русской революции, чем узнать, насколько выгодно торговал какой-нибудь из наших хозорганов. Они не только не могут сказать этого, они сами этого не знают. При этих условиях добиться элементарного учета в области производства означало бы громаднейший шаг вперед.

Таким образом, тт., несмотря на трудности, которые стояли перед промышленностью, и несмотря на хаос, который в этом деле еще продолжает господствовать,

мы смело можем сказать: эта наша батарея стреляла недурно, нам нужно эту батарею усилить всячески, и советское правительство не пожалело и не пожалеет для этой батареи своих средств. Для характеристики приведу такую справку. Вам, вероятно, розданы работы специальной комиссии при СТО под руководством тов. Милютина, которая при помощи целого ряда ответственных товарищей пыталась подвести к нашему X с'езду общий баланс в области промышленности, торговли и финансов. Это три книжки, первая из которых касается промышленности. Из нея я взял часть тех цифр, которые приводил здесь. Заканчивая общее подведение итогов, комиссия тов. Милютина пришла к выводу, что для промышленности требуется, чтобы государство за последние три месяца, за этот квартал, дало ей 527 триллионов рублей в виде долгосрочной ссуды или субсидии, для того, чтобы она встала на ноги, и продолжала бы развиваться хотя бы тем темпом, который я сейчас иллюстрировал.

Товарищ Милютин, требуя этой суммы (527 тр.) не знал тех данных, которые мы имели в СТО. Когда я подсчитал, сколько же дано было за эти 3 месяца по металлу, по углю и по нефти—только по этим 3 отраслям—(правда, для этого подсчета понадобилось 7 комиссий, и несколько раз я требовал, чтобы мне давали данные за тремя подписями, за подписями всех ответственных лиц; наконец, я получил цыфры, за которые ручается Наркомфин, ручается и Богданов, и Рабкрин, и все, которым это ведать надлежит),—то оказалось, что государственная касса дала за эти 3 месяца в виде оплаты закупок и в виде ссуд 423 триллиона.

За октябрь—декабрь 1922 года
отпущено из государственных средств:

	Трилл. р. 21 г.
По металлу:	
1. Оплата заказов	151
2. Ссуда	75
Итого	226
Углю (Донбасс)	
1. Оплата покупок	25
2. Оборот. капит. и кап. затрач. (ссуда)	79
Итого	104
По нефти:	
1. Оплата закупок	66
2. Ссуда	66,3
Итого	122,3
Всего	452

Теперь, товарищи, если вы посмотрите, какова была наша эмиссия за эти 3 месяца, то увидите, что она достигала одного квадриллиона и ста триллионов. Вы видите, что из суммы одного квадриллиона на тяжелую промышленность мы выдали почти половину. Вот та громаднейшая доля средств, которую мы принуждены отдавать тяжелой индустрии, чтобы ее поддерживать. А если вы спросите, достаточно ли этой суммы, то придется сказать, что — ее недостаточно: тяжелая индустрия — это наша сила, основа пролетарского государства и мы должны были бы дать на ее поддержание и укрепление значительно больше, если бы только мы имели, если бы было откуда взять. Первой и основной задачей является поднятие нашего производства: оно

очень мало—25%, довоенного, как я сказал. Это общий процент, причем тяжелая индустрия поднялась всего на 18%, тогда как на 25—27% поднялась легкая промышленность, работающая на вольный рынок.

Как мы торговали.

Посмотрим, как же мы торговали. Вы вспомните, что когда, год тому назад, т. Ленин дал лозунг „учиться торговать", то очень многие коммунисты, и вообще советские люди пришли в недоумение, возможное-ли это дело. Дело-ли коммуниста, дело-ли политического борца учиться торговать и заниматься торговлей. Теперь прошел год после того, как мы услышали этот лозунг, и сейчас мы можем проверить, и то, как правилен был этот лозунг, и, то как мы еще не научились торговать. Вот почему этот лозунг нужно и дольше повторять и повторять.

Я беру рынок предметов массового городского и крестьянского потребления,—остановимся на его цыфрах. В 1914 г. этот рынок обнимает приблизительно четыре миллиарда двести миллионов зол. руб., в 1921 г. этот рынок упал до 600 миллионов. Сейчас развитие рынка возобновляется и в этом году мы видим, что рынок охватывает уже около одного миллиарда золотых рублей.

Повторяю, это—рынок массового потребления, т.-е. рынок, в учет которого не входят такие материалы, как нефть и уголь. Это есть, тт., сейчас, главнейшая проблема для советской власти,—расширение об'ема рынка, расширение товарооборота. Он чрезвычайно мал, он меньше четверти рынка довоенного. Как же этот

рынок складывается? До войны крестьяне бросали на рынок продуктов на два миллиарда зол. руб. В этом году они выбросили на рынок, по приблизительным подсчетам, на 375 милл. зол. руб., без продналога, конечно. Это составляет, одну седьмую часть того, что выбрасывало на рынок крестьянское хозяйство до войны.

А промышленность? Промышленность до войны выбрасывала на потребительский рынок на 2.700 милл. продукции, а в этом году она выбросила на 510 милл. зол. руб. Мы выбросили на вольный, главным образом, на крестьянский рынок—продукции на 510 милл. зол. руб. В результате на 375 милл. с.-х. продукции и на 500 милл. продукции городской.

Итак, рынок у нас малоемок, хотя он и растет. Кроме того, его особенность в том, что он чрезвычайно натурален, т.-е. весьма многие сделки происходят не в денежной форме, а в натуральной, что, конечно, при нынешней нашей экономической системе, — переходной от капитализма к социализму, а не при социалистической,—является явно убыточным для народного хозяйства. Рынок этот чрезвычайно дезорганизован, прежде всего, благодаря нашей падающей валюте. Кредит у нас упал, сравнительно с довоенным временем, во 100 раз. И вот, тт., на этом маленьком, дезорганизованном натуральном рынке мы с вами управляющие промышленностью и государственной торговлей, очень плохо торговали и проторговались. Этот грех ни в коем случае нельзя скрыть. Чем бы это ни об'яснять,—а, конечно, об'яснить можно потому, что у нас не было достаточного количества оборотных средств, надо было продавать подешевле, чтобы выплатить заработную плату, не было учета и проч. и проч.,—но все-таки

факт остается фактом, — мы на этом рынке проторговались, и не только не вернули с этого рынка того, что мы на него бросили для восстановления промышленности, но, больше того, мы затратили часть нашего основного капитала на этом рынке. Каким образом это узнать? А надо посмотреть на те запасы, которые были у нашей промышленности в начале года и оказались в конце. Я приведу опять-таки только пару цифр: по хлопку и по шерсти. У нас на 1 января 1922 г. хлопка было 3,7 миллиона пуд., а на 1 августа—1,8 миллиона, т.-е. два миллиона мы израсходовали. Теперь шерсть. На 1 января мы имели ее один миллион и сто тысяч пудов, а теперь осталось только 700.000 пудов. Далее нефть—на 1 октября 21 года у нас в запасе было 138,4 милл. пудов нефти, на окт. 22 г.—69,1 мил. пуд. В этом роде и в других отраслях, мы израсходовали капитал, в виде убытков, на нашей промышленности, и убытки на этом самом рынке достигают десятков миллионов зол. руб. Я вас спрашиваю: кто заработал на том, что мы плохо торговали? Заработали, конечно, нэпманы. Вот откуда идет зло, вот почему слюнки ползут у господ Мартовых, которые рассчитывают, что и дальше так будет.

Мы должны знать, что все, что мы теряем в деле реализации на рынке,—подхватывает окружающая нас мелкобуржуазная стихия, подхватывает и дает основу для развития „НЭП".

Если мы, теперь посмотрим на характер торговли, то увидим, что торговые обороты госорганов с госорганами занимают 65% всего товарооборота. Торговля госорганов с кооперацией составляет 12%, а торговля госорганов с частными лицами—23%.

Почему это? Почему у нас в советском строе, когда коммунисты стоят у руководства главнейшими отраслями промышленности, выходит, что госорганы, поскольку они не торгуют с соседним госорганом, отдают предпочтение частным лицам, а не кооперативам. Тайна сия велика есть. Может-быть, потому, что частные лица дают более выгодные условия? Почему-же отстает кооперация? Почему кооперация по ее собственным данным, имеет в государственном торговом обороте всего только 40%, а говорят, что только 20%? Почему кооперация очищает место перед частными лицами? Почему, опираясь на весь государственный аппарат, имея в руках всю государственную власть, мы не можем дать ходу кооперации перед частными лицами? Я повторяю опять: тайна сия велика есть, и мы эту тайну должны раскрыть и поставить кооперацию в такое положение, чтобы она оттеснила частных посредников, ибо частные посредники, это—тот зародыш новой буржуазии, в расчете на которую построены ныне все контр-революционные фронты.

Что же мы должны делать? Мы должны, прежде всего, увеличить об'ем рынка, увеличить товарный оборот. Только таким образом мы добьемся повышения производительности нашей промышленности. Для этого необходимо увеличить товарообмен. Возможно большее количество продуктов сельского хозяйства должно поступать на рынок и приобретать там денежные формы. Нам нужно упорядочить рынок, и не даром наши газеты и все мы повторяем и должны повторять—глубже связь с деревней! точность в работе, аккуратность, отчетность! Вот задача коммунистов, вот задача всякого советского человека, приставленного к какому-нибудь

делу. Иначе нельзя победить на этом рынке, побить мелкобуржуазную стихию в стране, где пролетариат составляет всего 20 процентов всего населения. Пролетарская государственная промышленность до тех пор не сможет победить на этом рынке, пока она не научится точно считать и умело выводить балансы. До тех пор мы не победим, пока вместе с вами не установим настолько хорошую бухгалтерию, которая показывала бы, как идет обмен между нашим государственным хозяйством и той мелкобуржуазной стихией, которая окружает наши государственные предприятия. Пока не установим широкого товарообмена между городом и деревней.

Упорядочение рынка.

Вот, между прочим, почему мы должны были обратиться к тем новым юридическим нормам, которые в таком количестве за последний год были нами установлены. Товарищи, мы с вами никогда не смотрели на право или юридические нормы, как на какой-нибудь фетиш. Никакие юридические нормы не были для нас ни божественным откровением, ни откровением разума,—все это буржуазная словесность, придуманная для обмана. Для нас всякое право, всякое юридическое установление есть целесообразная норма постольку, поскольку она полезна. Если она полезна, она нужна, если не полезна, она не нужна, и мы ее отбрасываем. По мере того, как создается рынок, нам надо создавать институты, которые регламентировали бы правильное функционирование рынка. Нам нужны были точные нормы, которые обезопасили бы интересы той и другой стороны. Вот почему одновременно с работой экономической, с работой создания и расширения рынка, мы должны были заняться работой по выработке целого ряда юридических кодексов, которые, что ни гово-

рили бы идеалисты, стоят в непосредственной связи с нуждами рынка. Гражданское уложение, кодекс гражданских законов, кодекс законов о судопроизводстве, создание прокуратуры, адвокатуры, уголовного уложения, все это законы, выработанные Советским Правительством втечение этого года и призванные создать те правовые нормы, при которых возможно достижение нынешней нашей основной хозяйственной задачи: расширения товарного оборота, упорядочения рынка и повышения нашей государственной промышленности.

Финансы.

Но, товарищи, для того, чтобы действительно упорядочить этот рынок, для того, чтобы действительно сделать возможной какую бы то ни было калькуляцию, для того, чтобы сделать возможным какой бы то ни было расчет, мы должны сделать прежде всего одно— дать рынку правильную и хорошую деньгу, деньгу, которой у нас сейчас нет. Наш рубль отражает всю разруху мирового и в частности нашего народного хозяйства, но вместе с тем неустойчивость его углубляет дезорганизацию. Задача стабилизации рубля была поставлена на прошлом с'езде Советов. Она была подтверждена партийной конференцией и она, действительно, стала руководящей задачей всей хозяйственной деятельности. До тех пор, пока у нас не будет твердого рубля, до тех пор плановое хозяйство, рассчитанное не на неделю, а на месяцы, ставящее себе задачей плановое регулирование всего народного хозяйства, в большой степени будет иллюзией. Теперь уже ни для кого не тайна, что эмиссия есть ничто иное,

как скромный налог, и налог, мы должны отдать себе в этом отчет,—самый скверный из всех налогов. Это—налог, наиболее выгодный спекулянтам, биржевикам, паразитам, акулам—тем, которые играют на обесценивании рубля. Поэтому темп нашей эмиссии и стабилизации рубля является тем термометром, при помощи которого мы измеряем состояние всего нашего народного хозяйства.

Как же обстоит дело? Я приведу только две цыфры для того, чтобы дать вам общую картину в той связи в которой я рассматриваю явления.

Налоги и эмиссия.

Если взять все наши денежные доходы, из которых мы оплачивали свои расходы, то в январе 90% из них давала эмиссия, только 2% давали налоги и 8%—доходы с наших предприятий, т.-е. от железных дорог, с почты, с лесов и т. д. Теперь я беру цифры в сентябре, и мы видим, что в сентябре эмиссия дает нам уже только 53%, предприятия дают не 8%, а 30%, налоги не 2%, а 17%. Это громадное завоевание. Я не знаю, можно ли перелить такие цифры и такую статистику в горячую агитационную речь. Если бы это можно было, то этим цыфрам надо было бы посвятить самое горячее слово. Эти цифры показывают, что мы действительно не идем по пути, по которому нас толкает мировая буржуазия и г.г. Мартовы, что мы выбираемся из разрухи и идем по той дороге, которая может оправдать прогноз известного английского экономиста Кейнса, который сказал: „хотя это и противоречит всем законам, известным буржуазии, хотя это меня и очень удивляет, однако, весьма возможно, что Россия первая из всех европейских государств стабилизует свою валюту. Эти цифры дают нам

уверенность в том, что мы действительно находимся на правильном пути. Товарищи, занимающиеся специально этим вопросом, говорят, о том, что можно надеяться, что продналог, который составляет до сих пор очень значительную часть всех наших доходов, плюс денежные доходы, т.-е. доходы с предприятий и налоги, дадут нам в 1923 г. столько же, сколько в этом году дал продналог, денежные доходы плюс эмиссия. Если это так, то мы тогда можем действительно рассчитывать на то, что в следующем году политика сокращения эмиссии, политика реального сокращения и ограничения эмиссии, станет практической задачей дня. В Совнаркоме и Наркомфине мы должны будем разобрать конкретные мероприятия для проведения этой задачи в жизнь. Я с своей стороны должен пока удовлетвориться указанием: роль эмиссии падает, роль налогов и доходов растет, и это есть единственный путь к созданию хорошей деньги, без которой не будет хорошего рынка, и, следовательно, хорошей государственной промышленности, а будет,—нравится нам это или нет, мы можем ее, конечно, ругать,—будет лишь спекуляция.

Но вы знаете, что переход от эмиссии к налогу сопровождается очень часто указаниями на непомерность налогов, и вам в своей практической работе и при раз‘яснении положения вещей широким массам неоднократно приходится встречаться с этим новым затруднением в нашей агитации, которым представляются именно налоги. Я уже указал на то, что эмиссия есть налог, но только замаскированный, в наиболее хитрой его форме и потому не так явно доступной протесту, как те прямые и косвенные на-

логи, которые мы теперь вводим. Но, товарищи, мы невероятно отстали с налогами. Если мы хотим дальше итти, итти вперед по тому пути, по которому мы идем, и если хотим первые шаги и достижения превратить действительно в победоносный успех, то тогда нам нужно понять, что для перехода от эмиссии к налогу мы сделали очень мало.

Я беру денежные налоги за девять месяцев 1913 г. и в 1922 годов. Царь в 1913 г. одних денежных налогов собрал 2 миллиарда 450 миллионов золотых рублей, а мы с вами в 1922 году по оптимистическим расчетам, собрали всего 207 миллионов зол. рублей. Конечно, надо сказать, что есть некоторые отрасли, в которых мы налогов собрать не можем. Я приведу данные, которые, надеюсь, будут не безынтересны вам. Царь брал промысловых налогов сто миллионов рублей золотом, мы берем восемь миллионов. Царь получал дохода с табаку 58 миллионов, мы ничего не получили. С сахара царь получал сто миллионов, мы получили пять миллионов в этом году. С водки царь брал 645 миллионов золотых рубликов, мы ничего не получаем. Таможня давала ему доходов на 255 миллионов золотых рублей. Мы получили всего семь.

Вы видите, товарищи, что налоги и в общей нашей системе и сравнительно с тем, что платило население раньше, представляют мизерную долю. Мы не должны закрывать глаза на то, что спасение нашего рубля заключается в том, чтобы усилить долю денежных налогов, чтобы по возможности натуральные налоги,— при известных, конечно, условиях,—перевести в денежную форму и, базируясь на этом, сократить, а затем,

может-быть, и совсем прекратить всякую эмиссию, идущую на покрытие государственного дефицита.

Бюджет.

Мы работали в продолжение всего этого года и работа эта, товарищи, сказывалась на каждом из вас на местах,—над сокращением государственного дефицита, и здесь мы добились кое-каких результатов. Мы отдаем себе отчет в том, что мы резали по живому телу. Сокращение дефицитов государственного бюджета—вещь, которая, действительно, часто задевает самые живые потребности населения. Но пред нами другого выхода не было. Мы должны были быть жестоки ко всяким непроизводительным расходам и не останавливаться перед жестокостью иногда даже в отношении жизненных потребностей, лишь бы взять в железную узду нашу эмиссию и тем самым взять в железную узду наш рубль, который скачет так, что причиняет нам и всей нашейп ромышленности слишком много хлопот.

Наш бюджет в 1921 г. имел 84% дефицита: 84% всех расходов мы не могли покрыть реальными поступлениями. В 1922 г. в первые 9 месяцев мы сбавили этот дефицит до 60%, а за последний квартал—до 50% расхода. Но мы должны будем, товарищи, итти и дальше в этом деле снижения дефицитности, ибо, если мы ее не снизим, то мы никогда не добьемся стабилизации рубля и не достигнем тех целей, которые мы себе ставили и ставим.

Итак, товарищи, вы видите, что мы не имеем никаких оснований обольщаться в области внутреннего хозяйственного устройства достигнутыми успехами. Мы должны хладнокровно взглянуть в глаза истине и сказать, что мы только начинаем выкарабкиваться, но все же, действительно, начинаем выкарабкиваться, и все расчеты наших врагов из контр-революционного лагеря

на наш провал, на основании той проверки, которую я только что перед вами произвел,—проверки наших производительных сил, проверки нашего рынка, проверки состояния наших финансов и т. д.,—не подтверждаются. Нет эти господа, которые говорят, что путь лежит к капиталилизму и что капитализм нас с'ест, сколько бы мы с вами не барахтались, не только реакционеры, но и утописты: они мечтают о том, что не может вернуться, чего не может быть.

Опасности «нэп'а».

Я не хочу отрицать опасности „нэп'а". Нет конечно. „Нэп" борется против той государственной промышленности, которая находится в руках нашего революционного государства. Но нужно различать опасности политические и опасности экономические. Политические опасности „нэпа", т. е. способность „нэпа" из области экономики перейти в область политики и протянуть руку к власти, конечно, совершенно ничтожны. Мне, товарищи, неоднократно приходилось выяснять разницу в положении частного капитала при действительно старой экономической политике до октябрьской революции и теперь. Мне кажется, что яснее всего эта характеристика сказывается вот в чем. Вы прекрасно знаете, что для того, чтобы прекратить функционирование частного капитала в 1917 г. и далее, нам понадобились реки крови. Если бы, однако,—чего, конечно, не будет, я говорю только теоретически,—мы решили с вами прекратить ныне функционирование частного капитала, то это бы не стоило нам не только ни капли пролетарской или крестьянской крови, но даже ни одного разбитого стекла. Функционирование

частного капитала может кончиться простым распоряжением вашим или любого верховного органа советской власти, и это не вызовет никакого политического потрясения. Это не потребует никакой революции. Вот в чем разница в положении частного капитала до октября, при господстве капиталистических отношений, когда этот частный капитал был не только гегемоном в экономической области, но и политическую власть держал в своих руках, и теперь, когда политическая власть находится в руках рабочего класса, и рабочий класс и крестьянство держат в своих руках основные богатства страны и допускают частный капитал, частную инициативу, скупщика, нэпмана, и весь „нэп“ постольку, поскольку это полезно для задач и организации диктатуры пролетариата.

Таким образом, товарищи, всякая попытка перейти от экономики к политике со стороны „нэпа“ имеет за собой такие ничтожные возможности, что даже господа контр-революционеры давно в этом разочаровались ибо поняли, что наши органы, блюдущие неприкосновенность политической власти рабочего класса и крестьянства, в каждый любой момент каждому нэпману, который от своей лавочки протянет руку хотя бы к маленькой крупинке политической власти, сумеют сказать достаточно строго и внушительно: „Руки прочь!“ (аплодисменты). Что касается экономики, то, товарищи, мы ни в коем случае не должны закрывать глаза на действительные опасности. Эти опасности об‘ективно зиждятся на том, что диктатура пролетариата должна в нашей стране проводиться в условиях господства мелкобуржуазных отношений в области сельского хозяйства, которое охватывает 80% всего населения.

Эта окружающая нас мелкобуржуазная экономическая стихия подхватывает все наши ошибки, всю нашу неумелость и естественно стремится поглотить и залить фундамент социалистического хозяйства, который мы возводим.

Советская власть и крестьянство.

Все расчеты на капиталистический путь развития со стороны господ капиталистов строятся теперь на крестьянине и, действительно, крестьянство решит наш спор с капитализмом. Нужно помнить, что враги наши стали умней. Я уже читал вам их программу и указывал на то, что никто из них сейчас не заикается о том, чтобы произвести какую-нибудь контр-революцию в области созданных революцией земельных отношений. Они поняли, что сунуться к мужику с этим совершенно невозможно, о земле они помалкивают, их задача захватить город, а захвативши город, они конечно, получат возможность свернуть шею и всему революционному крестьянству.

Но захват города им представляется теперь отнюдь не в виде прямого нападения вооруженных армий,— нет, они рассчитывают на то, что мелкобуржуазная стихия крестьянства даст им возможность в'ехать на шее крестьянства и захватить в свои руки центр экономической жизни—города. Захват в руки частного капитала, торговли и экономического посредничества между городом и деревней есть первый шаг враждебного нам лагеря. Мы должны бороться за то, чтобы крестьянство поддержало пролетарский город против буржуазного города.

Враги понимают великолепно, что, именно, крестьянин будет решать этот спор между государственной промышленностью, базой социалистической страны и частным

капиталом, и будет он, товарищи, решать этот спор, действительно, реалистически, по принципу выгодности и целесообразности. Крестьянская Россия знает, конечно, что землю дал ей и землю охранял для нее рабочий класс, опирающийся на то же крестьянство, что только Советская Власть смогла вырвать эту землю и смогла сохранить ее для крестьян. Но, товарищи, благодарностью общественные классы и группировки не руководствуются. Благодарность не может удержать тот или другой класс от решения того или другого вопроса сообразно по своим интересам. И, поэтому, крестьянская Русь, избытки которой мы ныне не обобществляем, которые не входят в государственный круг промышленности, будет ценить нас и частный капитал по такому признаку, кто лучше сделает и кто дешевле ей доставит. Это будет великий суд, и к этому суду мы и должны, прежде всего, экономически подготовиться.

Ошибочно мнение, конечно, будто бы крестьянство неизбежно должно итти нога в ногу с буржуазией. Здесь господа контр-революционного лагеря приводят нам все время примеры насчет того, что везде и всюду крестьянство прекрасно уживается с буржуазным городом. Чем бы ни об‘яснялось это временное положение, мы, однако, можем сказать одно—советское государство, несмотря на тяжкие условия, в которых ему приходилось жить, неизменно уделяло необходимое внимание крестьянству. Не говоря об основном завоевании октябрьской революции; полном уничтожении помещичьего землевладения, устранение дворянской и полицейской опеки над крестьянином, Советская Власть втечение этого года выработала целый ряд мер,

направленных к непосредственному улучшению положения крестьянского населения.

Борьба правительства с громадным стихийным бедствием—голодом, показала, как даже бедное пролетарское государство ни перед чем не останавливается для того, чтобы притти на помощь крестьянству.

Десятки миллионов пудов хлеба и семян были направлены Советскою Властью в голодающие районы и спасли миллионы крестьянских жизней. В этом году на засев Государство отдает из продналога не менее 25 миллионов пудов семян, из которых 15 миллионов осенью уже были доставлены на места и брошены в землю. Втечение этого года проведен ряд законов, касающихся трудового землепользования. Эти законы, обеспечивая крестьянству полную возможность поднятия сельскохозяйственной культуры, не навязывают ему сверху никаких обязательных форм землепользования.

На основе этих законов впервые становится возможным упорядочение всех земельных отношений и исчезновение тех форм землепользования, кои остались нам в наследство от эпохи крепостнических порядков и мудрствования царских чиновников. Советская Власть обеспечивает крестьянству полное и фактическое самоуправление, требующееся во всех их делах.

Наконец, Советскою Властью, изданием недавнего декрета об организации дешевого кредита для крестьян, сделан громадный шаг вперед и проложен путь для освобождения крестьянства от эксплоатации его кулаком, скупщиком и ростовщиком, и обеспечена ему возможность черпать для своих хозяйств дешевый кредит из средств Государства.

Продналог, который вносится крестьянином и который

в этом году целиком внесен в первую половину года и без всякого сопротивления, показал полную солидарность, господствующую между крестьянами и рабочими, между крестьянами и пролетарским крестьянским государством.

Крестьянство имеет возможность оценить действительные выгоды пролетарского города, а, следовательно, пролетарской власти. Без города крестьянству не жить. Кого поддержит он в городе? Мы, безусловно, уверены,—вся история крестьянской революции в России целиком говорит за это,—что крестьянство поддержит пролетариат, если только последний поймет основную задачу момента и сконцентрирует всю свою энергию на то, чтобы дать крестьянину ту промышленность, которая ему необходима.

Можем ли мы это сделать? Я уверен, что рабочий класс России единогласно может на это ответить: да, это мы сделать можем.

Крестьянство получает в Советской Власти самое дешевое из возможных правительств. Всякое буржуазное правительство обозначало бы неизбежно для крестьянства громадное усиление налогов, закабаление торговому капиталу, а так как буржуазное правительство не могло бы притти в Россию иначе, как только опираясь на иностранные штыки,—которым надо было бы платить,—то это принесло бы крестьянству и закабаление иностранному капиталу. То, как прошел сбор продналога, показывает, что крестьянство выбрало свой путь. Мы должны его на этом пути укрепить, и я думаю, что те факты, которые я вам привел относительно работы нашей в основных отраслях хозяйства за этот год, всецело подтверждают то, что наши усилия

были всецело направлены к укреплению действительной связи между рабочими и крестьянами.

Рабоче-крестьянская власть принуждена еще требовать жертв от крестьянства. Эта жертва тот продналог, который крестьянин вносит в общегосударственную казну на общегосударственные потребности. Но подобных же жертв требует наша власть и от рабочего. Правда, заработная плата неизменно повышается из месяца в месяц и материальное положение рабочего класса за этот год несомненно улучшилось, но то, что еще и ныне недополучает рабочий, обозначает его трудовую жертву в пользу общих потребностей рабочих и крестьян Советской России.

Идеал наших врагов—все рабочие отправляются на частные предприятия, а крестьянин поддерживает буржуазию. Наш идеал—*союз рабочих и крестьян на почве государственной промышленности*, которая мало-по-малу поглощает весь частный капитал и во всяком случае, над ним доминирует и его регулирует.

При сопоставлении этих двух идеалов не может быть никаких споров относительно принципиальной политической линии, и тут недопустимы никакие колебания. Новая экономическая политика оправдала себя целиком. Она была рассчитана на то, чтобы создать тесный союз между рабочими и крестьянами, и она была задумана правильно потому, что она этот союз удержала и всякая попытка частного капитала,—провозвестниками которого являются г. г. меньшевики и сэры, ложно именующие себя социалистами, разбить единый фронт между рабочими и крестьянами на экономической почве, подорвать государственную промыш-

ленность или попытаться подняться от области, которую мы ему отвели,—частную лавку и арендную мастерскую,—к общим политическим вопросам, к власти, встречала до сих пор и встретит и в дальнейшем, и со стороны рабочих, и со стороны крестьян самый решительный отпор.

Подводя итоги нашей годовой работе, мы можем сказать,—и это, я думаю, чувствует не только каждый из нас, но чувствуют и наши враги, Советская Россия теперь уже богаче, здоровее, полнокровнее, чем она была 1 или 2 года тому назад. Перед нами остается задача доказать, что коммунисты и советские люди в состоянии не только уничтожить буржуазный строй, но что они могут также построить строй трудящихся, что они могут, обеспечив внешнее и внутреннее спокойствие, сосредоточить всю энергию на экономическом строительстве и показать, что такое государственная промышленность в руках революционного пролетарского государства, показать впервые в истории, как через эту, в пролетарских руках находящуюся, промышленность пролетариат может экономически руководить крестьянством, поднимать его культуру, поднимать его сельское производство и вести его за собой.

И если мы по этому пути пойдем,—а нет оснований и нет сил, которые бы нас с этого пути свернули,—мы выполним нашу задачу; мы докажем, что социалистический строй—не сказка, не фантазия, не мечта, что это действительно реально осуществимый строй. (Аплодисменты).

